

Анна Бачинская

*Детектив
сильных
страстей*

Яд персидской
сирени

Бюро случайных находок

Инна Бачинская

Яд персидской сирени

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Яд персидской сирени / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2017 — (Бюро случайных находок)

ISBN 978-5-699-99828-9

Мама Татки сбежала, когда девочке было пять лет, и ее отец решил вернуться к первой жене и старшей дочери Вере – должен же кто-то присматривать за маленьким ребенком! Отец баловал любимую младшую дочку, но жизнь ее сложилась несчастливо – семь лет Татка провела в психиатрической клинике после убийства своего бойфренда. Родителей уже не было в живых, и ей пришлось вернуться в дом Веры, которая с детства терпеть не могла сестру. Так совпало, что в это же время выписался из больницы Верин муж Павел, который потерял память в результате загадочного несчастного случая, и их с Таткой необъяснимо потянуло друг к другу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99828-9

© Бачинская И. Ю., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Пациент в коме	7
Глава 2. Возвращение	12
Глава 3. Обживание. Память	18
Глава 4. Бессонница	20
Глава 5. Долги наши	23
Глава 6. Зажатое новоселье и дальняя дорога	25
Глава 7. Неприятный разговор	29
Глава 8. Трогательное прощание в «Тутси»	38
Глава 9. Дома	42
Глава 10. Эрик	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Инна Бачинская

Яд персидской сирени

© Бачинская И.Ю., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Тихо пело время... В мире ночь была
Бледной лунной сказкой ласкова, светла...
В небе было много ярких мотыльков,
Быстрых, золотистых, майских огоньков...
Искрами струился месяц в водоем,
И в безмолвном парке были мы вдвоем...
Ты и я, и полночь, звездный свет и тьма
Были как созвучья вечногo псалма...
...Был, как сон могильный, скорбен сон долины,
И в заглохиeм парке плелся я один...*

Юргис Балтрушайтис. Бедная сказка

Действующие лица и события романа вымышленны, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

...*Мир был зелен, сколько хватало глаз.* Сочные заросли травы били ключом, под деревьями дымился густой синий сумрак, косо пронизанный солнечными лучами. Послеполуденный безмятежный зной, дрожащее марево над Детинцем, выгоревшее добела небо сверху – и все! Ни человека, ни городских улиц, ни машин. Пусто и тихо.

– Так не бывает! – выдохнула Ника, бледное дитя каменных трущоб. – Я сейчас проснусь!

– Просыпайся. Хочешь увидеть хижину?

– Хочу! Нет! Я хочу жить на дереве.

– Я построю тебе гнездо.

– Хочу на этом дереве! Это же... шелковица! Здоровенная, как баобаб... Таких не бывает. Скажи, Тим, что не бывает, и толкни меня или ущипни. Я опять сплю.

– Ты не спишь. Это шелковица, вон ягоды осыпались. Будем разводить червяков.

– Бр-р-р, каких червяков... шелкопрядов!

– Научишься ткать и подаришь мне рубашку.

– Ага, и вышью – я тебя люблю! А потом мы уйдем в горы.

– Здесь всего-навсего одна гора, и называется она Детинец. А еще холмы и курганы.

– Детинец? Прекрасное название, такое... горное. Кстати, что это такое?

...Они целовались под шелковицей-баобабом, роняющей ягоды. Ягоды глухо шлепались на землю – стаккато ударных в стройном хоре птиц, шелеста ветерка, травы и листьев. Они были молодожены и все время целовались...

Глава 1. Пациент в коме

*...Смерть – это общее право,
Никто не живет два века...
Жизнь – другое дело.
Красное вино
Льют в пустое тело,
Но каждому оно
Разное дано.*

Э. Дикинсон. [Стих] 583

– Доктор, как он? – Женщина тревожно всматривалась в лицо человека в белом халате. Доктор пожевал губами... Это был самый лучший в городе доктор, и его клиника тоже была самой лучшей. У него было мужественное лицо, вызывающее доверие. Хорошая фигура, прекрасно сшитый дорогой костюм... Один древний автор сказал, что врач должен быть прекрасно одет и распространять запах благовоний. Этот врач был именно таким. Ему хотелось верить безоговорочно, и пахло от него дорогим парфюмом.

– Мы делаем все, что может предложить современная медицина, – сказал он веско, беря женщину за руку и заглядывая ей в глаза. – Все! У вашего мужа есть шанс, поверьте. Будем мужественны и будем надеяться. Он молод, у него крепкое сердце, мы вернули его к жизни, мы наблюдаем его, есть серьезные улучшения. Ждать, ждать и ждать. Все в руках... – Он поднял глаза к потолку. – Говорите с ним, он чувствует интонацию и узнает ваш голос. Любая мелочь – звук, запах, прикосновение могут подтолкнуть...

– Когда же он проснется? – перебила женщина. – Почти девять месяцев... Она всхлинула.

– Ну-ну, не будем терять надежды, Вера Владимировна. – Доктор положил руку ей на плечо. – Не нужно плакать. Ждать и надеяться, ждать и надеяться. В один прекрасный момент он откроет глаза, увидит вас и скажет...

– Доктор, что это? – Она ткнула рукой в аппарат с бегающими зелеными огоньками. – Что это значит?

– Фиксация функционального состояния головного мозга. Видите ли...

– Мозг работает?

– Несомненно.

– Но он же без сознания!

– Какие-то процессы в нем все равно происходят. Мозг активен. Возможно, сейчас он видит сон...

– А когда он очнется... – она запнулась. – Он будет соображать? А память?

Доктор снова пожевал губами – до чего же гадкая привычка! Сказал после паузы:

– У вашего мужа серьезная черепно-мозговая травма, повреждена левая лобная доля, смещены лицевые кости, переломы носа и нижней челюсти... не считая всего остального. Мы сложили его заново, и я считаю...

– Я знаю! – перебила она нетерпеливо. – Какой он будет, когда проснется? Как раньше? Или... что с ним может случиться?

– Возможна некоторая потеря памяти, но не обязательно, – сказал доктор осторожно. – Возможны некоторые странности и неадекватное поведение, утрата поведенческих программ и навыков. Ходить, я думаю, ваш муж сможет. Не сразу, конечно. Кто он по профессии?

– У нас компания по сбыту электроники.

– Трудно сказать, восстановится ли он настолько, чтобы руководить компанией в дальнейшем. Поймите, то, что он остался жив, само по себе чудо.

– Ну а меня он будет узнавать? – настаивала она. В ее голосе послышалось раздражение. Она ставила четкие вопросы и хотела получить такие же четкие ответы.

Доктор развел руками:

– Поймите, трудно прогнозировать. Он сейчас между мирами, грубо говоря. Куда качнется маятник... Подождем.

– Сколько еще ждать? – Женщина почти кричала. – Я... я больше не могу!

– Говорите с ним. Возьмите за руку и говорите. Он помнит ваш голос, возможно, это как-то отзовется. Извините, меня ждут.

Он поклонился и ушел. А они остались: мужчина в коме и женщина, его жена. Она пристально рассматривала лежащего на койке: бледный в синеву, заросший черной бородой, с длинными волосами, разбросанными по подушке, – в них пробивались седые прядки, – с заостренным торчащим носом, с выступающими скулами. Ей показалось, веки его дрогнули. Она нагнулась над ним и сказала:

– Ты спишь? Ты меня слышишь? Хоть что-нибудь? О чем с тобой говорить? А может, ты все-таки слышишь? – Она положила руку ему на лоб. – Чувствуешь? Ты меня узнаешь? Павел! Паша! Ты помнишь, как тебя зовут? Паша! – настойчиво звала она. – Паша!

Она снова и снова звала его по имени – настойчиво повторяла снова и снова, – осторожно прикасалась к щеке, осторожно брала за руку; клала ладонь ему на грудь и «слушала» пальцами биение сердца. Казалось, она совершает некий странный и пугающий ритуал по возвращению неподвижного безжизненного тела из потустороннего мира, где он находился, в мир живых. У нее было лицо уставшего и сломленного человека...

Наконец она замолчала. Сидела на стуле, не сводя с него взгляда. Думала. Вздрыгнула от писка мобильного телефона. Отошла к окну.

– Ну? Еще в больнице. Ничего! Они ничего не знают, говорят, надо ждать. За такие бабки... Ты где? Захватишь меня? Жду.

Она опустила телефон в карман жакета. Посмотрела через окно на скучный больничный сад, на мокрые аллеи, на тусклую молодую траву, безнадежно тусклую, как и все здесь, на плац с десятком запаркованных разноцветных автомобилей. Вдруг из-под туч вырвался солнечный предзакатный луч, осветив все оранжевым тяжелым светом; женщина зажмурилась и отступила, ощутив внезапный укол страха...

...Машину человека, звонившего ей, она заметила сразу. Подошла, открыла дверцу. Уселась. Повернулась к нему и воскликнула в отчаянии:

– Я больше не могу! Сколько это еще может продолжаться? Я устала! Я на пределе! А этот лекарь... он же ничего не знает, ему проповедником быть. «Ждать и надеяться, ждать и надеяться», – повторила она издевательски с интонациями доктора. – Спрашиваю: когда он очнется? Пожимает плечами. Что с памятью? Сможет ли ходить? Будет ли соображать? Или превратится в растение? снова пожимает плечами. Говорит, скажите спасибо, что вообще выжил. С такими травмами...

– Успокойся, Верочка, все образуется. Время, время и еще раз время. – Мужчина берет ее руку, целует. – Главное, компания на плаву и мы делаем все, чтобы удержаться. Поверь, все будет хорошо. Доктор сказал, он может потерять память?

Женщина кивает. Некоторое время оба молчат.

– А тут еще эта появилась... Татка, – с досадой говорит женщина. – Все одно к одному. Господи, ну что мне теперь делать?

...Они сидели за своим любимым столиком в небольшом китайском ресторанчике, в секции, отделенной от зала высоким узким аквариумом. В аквариуме плавали крупные серые

рыбы с выпученными голубыми глазами и шевелились розовые водоросли. Вера, жена мужчины в коме, и Володя, его друг. Соломенная вдова и верный друг дома...

– Верочка, но хоть что-то? Какой-то сдвиг?

– Все так же. Доктор сказал, если даже придет в себя, не факт, что восстановится. Возможна потеря памяти, нарушение поведенческих программ...

Они обменялись долгим взглядом. Володя спросил:

– Что это такое?

– Ничего не будет понимать, вот что. Кроме того, не сможет разговаривать, потеряет речь. Может стать идиотом.

– Он сказал «возможно»...

– А что еще он может сказать? Что можно сказать наверняка? Сказал, надо ждать. Сидеть и ждать. Возможно, потеряет речь, возможно, станет идиотом... если проснется.

– А он не умрет? Люди в коме годами...

Вера промолчала.

– Ладно, не будем о грустном, – сказал Володя. – Как-нибудь будет. Выкарабкаемся. К нему можно? Я бы хотел навестить. Пустят?

– Наверное, пустят. Ему все равно. Доктор сказал, нужно с ним разговаривать. – Она хмыкнула. – Он считает, на уровне подсознания он слышит и узнает голоса. У них там прибор активность мозга измеряет, так видно, что в мозгу что-то происходит, зеленые волны так и бегут. Я спросила: что это значит, он что, понимает? Доктор говорит, что мозг активен, а насколько активен, пока неизвестно. Несколько раз повторил: «Будем надеяться...»

– Как он выглядит?

– Как? – Вера хмыкнула и пожала плечами. – Нормально выглядит. Кроме того, борода...

– Узнать можно?

Снова они смотрят друг на дружку; Вера снова пожимает плечами...

Официант, узкоглазый азиат, зажигает в центре стола спиртовку. Красный огонек трепещет в легком сквознячке. Азиат ставит на спиртовку блюдо с овощами и рыбой, расставляет большие тарелки с иероглифами и мисочки с коричневым рисом, наливает в высокие бокалы пиво из маленьких бутылочек. Желает приятного аппетита и уходит.

– Может, вина? – спрашивает мужчина.

– Господи, ну какое у них тут вино! – раздраженно говорит женщина. – Достаточно пива.

– Успокойся, мы выгребем. Побереги силы. Ничего страшного не случилось. Даже при самом плохом раскладе...

– Помолчи, а? – Она пригубливает пиво. – И так хреново. Я вся на нервах, я перестала спать... Отвратительное пиво. Никогда не любила пива.

Он кладет ладонь на ее руку. Говорит примирительно:

– По-моему, ничего. Никогда не думал, что китайское пиво можно пить. Не намного хуже баварского. Может, тебе все-таки вина?

Женщина не отвечает. Сосредоточенно ест, глядя в тарелку.

– Ты сказала, появилась Татка... – Полувопрос повисает в воздухе.

– Появилась! – бросает женщина. – Лечебница обанкротилась, пациентов забирают. Сначала обещали поддержать, пока родные не найдут новую, а теперь требуют немедленно. Этого нам еще не хватало!

– Она что, совсем плохая?

– Господи, да откуда я знаю! Я не видела ее ни разу с тех пор, как ее забрали. Была плохая. Не думаю, что стала лучше, их там пичкают всякой дрянью... может, стала как овощ. Семь лет, сам понимаешь.

– Это ненадолго, найдешь что-нибудь... Может, снять ей квартиру?

– Какая квартира? О чем ты? Эту дрянь нельзя оставлять без присмотра, она на все способна.

– Вы сестры?

– Понятия не имею. Отец считал, что она его дочь, значит, сводные сестры. Ее мамаша была гулящая, так что черт ее знает. Мне наплевать, понял? Она приبلуда и навсегда останется приблудой. Точка. – Вера сжимает кулаки.

– Понял, понял. Можно определить отцовство и...

– Какая, на хрен, разница, если она совладелец компании? – кричит Вера. – Отец все поделил поровну. Дочь, не дочь... Он ушел к любовнице, когда мне было четыре, через пару месяцев у них родилась Татка. Бросил маму и меня. Мама в ногах валялась, умоляла, а он как взбесился! Любовь у него, видите ли. И ведь не мальчик! Никогда ему не прощу! А через четыре года вернулся в семью – мадам его бросила. Сбежала. Говорили, с молодым любовником, тоже циркачом. Она была не то гимнасткой, не то наездницей, а папаша обожал лошадей, у нас была конюшня в пригороде. Вот и сбрендил на старости лет. Она сбежала, а он вернулся с ребенком, и мама приняла их. А куда было деваться? Девчонка была сущим наказанием: наглая, бойкая приبلуда, да еще и воровка. Отец всегда ее защищал, она была любимицей, как же! Она маленькая, она сиротка, она без мамы! Я без слез не могу вспомнить мамочку, сколько унижений ей пришлось вынести! Видеть все время перед собой эту маленькую подлую сучку, плод любви, представляешь? И перед знакомыми и друзьями стыдно... счастливое семейство! Все так и пялились, мама плакала, а ему хоть бы хны! «Мои любимые девочки, сестрички, подружки». Они часто ссорились, мама умоляла отдать ее в какую-нибудь закрытую частную школу, а отец не соглашался. Она жаловалась ему на нас, он выговаривал мне, требовал, навязывал дружбу с ней. Даже подарки! Он дарил нам одинаковые украшения, хотя я была старше. Мужики не понимают, им кажется, надави, и все образуется. Хозяин, кормилец, сказал – отрезал. Ненавижу!

– Как она попала в лечебницу?

– Отец умер от сердечного приступа, когда мне было девятнадцать, а ей пятнадцать. По завещанию мы унаследовали все в равных долях. Ну и мама, конечно, получила достаточно для жизни. Мама стала ее опекуницей. После смерти мамы – я. Больше никого нет. Где ее мамаша, мы не знали, она ни разу не вспомнила о дочери. Ни письма, ни звонка. Ничего. Я знаю, что отец пытался разыскать ее, делал запросы – после его смерти мы нашли документы. Она просто исчезла, может, эмигрировала. Оно и лучше, а то доила бы отца. У меня в голове не укладывается... отец был жестким человеком, даже жестоким, сильным, часто бессердечным, и вдруг становился какой-то размазней, когда дело касалось Татки... бессмысленная улыбка, все готов оправдать, без конца повторял, что мы сестры, что она – единственный близкий мне человек... а я молчала! Гладил ее по голове, обнимал... у него даже голос дрожал! Он учил ее водить машину, они вместе уезжали надолго, а я училась в школе с инструктором, до меня он не снизошел. И я молчала. Понимаешь, молчала! Сожму кулаки, отведу глаза и молчу.

Она замолкает, сидит, смотрит в стол, вспоминает. В голосе откровенная злоба, кулаки сжаты, ноздри побелели.

– Ну и натерпелись же мы! Она убежала из дома, воровала деньги и вещи, он вытаскивал ее из каких-то грязных притонов... и ничего! Все та же песня: бедная девочка, без мамы, сирота, стресс. И так до самой смерти. А за несколько дней написал завещание... Половину ей! Представляешь? Незаконной! Мама пыталась оспорить, кучу денег выбросила... ничего не доказала. Я тогда уже встречалась с Пашей, мы собирались пожениться, а тут постоянные скандалы, полиция, ночные звонки, следователи. Кончилось тем, что она зарезала своего друга. Экспертиза установила, что она была под кайфом, не то наркота, не то алкоголь. Вопрос стоял: или тюрьма, или лечебница. Мама совала всем подряд и добилась, что ее признали психопаткой... она и правда была неадекватной. В итоге она загремела в закрытую лечебницу, и мы

перевели дух. А теперь она снова в моем доме... рок какой-то! Ненавижу! Лежу ночью без сна, думаю, вспоминаю, и такая обида на отца за ад, который он нам устроил... не могу его простить! Никогда не прощу.

– Не рви сердце, – говорит Володя после паузы. – Есть вещи, которые нельзя изменить, их можно только принять или попытаться забыть. Как-нибудь будет, главное, удержаться на плаву. Ты не одна, помни это. Ты умница, ты красивая, у тебя много друзей. Все будет хорошо, честное слово.

Вера махнула рукой, всхлипнула, потянулась за салфеткой...

Глава 2. Возвращение

Озабоченный заведующий совал выписки из истории болезни, справки, рекомендации, уверял, что они делали все, что в их силах, с применением передовых методик, и Вера видела, что ему не до нее с ее проблемами. Ему поминутно звонили, он кричал в трубку. В лечебнице стоял шум и гвалт: паковали аппаратуру, выносили и грузили в контейнеры мебель. Было похоже на бегство. Дверь поминутно распахивалась, и влетал кто-то из персонала с вопросами. Заведующий извинялся и выходил. Вера с досадой прислушивалась к грохоту и голосам за дверью, желая одного: завершить как можно скорее тягостный визит и убраться подальше. Ее страшила встреча с сестрой, ее пугала перспектива взвалить на себя судьбу изломанного, искалеченного, умственно неполноценного инвалида. Семь лет – немалый срок, если ее пичкали всей этой химией, то можно представить, во что она превратилась. В лучшем случае овощ, в худшем – припадочная. И в том, и в другом – обуза. Ненужная, ненавидимая обуза, вериги, камень на шею. Чертова лечебница! Столько денег вбухано, и такой финал, не могли аккуратнее... знаем, слышаны о передовых методиках. То-то прокуратура заинтересовалась, всех теперь будут таскать. Она вспомнила невольно доктора из больницы, где лежал Павел... Проходимцы! Деньги, деньги, деньги...

Она чувствовала, как зашатался ее мир, такой надежный и прочный еще недавно, еще вчера, как побежали трещины по стенам и посыпалась с потолка штукатурка. Удар под дых. Закон парных случаев. Самый подлый неписанный закон: за первым ударом следует второй. Не вовремя, ох как не вовремя! Тут с одним бы разобраться...

Заведующий, смягчая удар, уверял, что Татьяна Мережко чувствует себя нормально, что ее «состояние» прекрасно контролируется новейшими медикаментозными препаратами, нужно только соблюдать режим и обеспечить постоянный присмотр. Желательно нанять сиделку – в регистратуре можно взять список и расценки.

– Рекомендации и названия препаратов здесь. – Он похлопал ладошкой по бумажкам на столе. – Это не конец, мы поднимемся, но сейчас, понимаете, нужно сойти со сцены на некоторое время... – Он доверительно понизил голос. – Поверьте, мы полностью осознаем причиняемые неудобства, в будущем договор о содержании пациента будет пересмотрен в пользу клиента... если надумаете обратно. Год, другой – у нас отличные адвокаты, – и мы вернемся, даю слово. И тогда милости просим.

Вера кивала, испытывая тоску и растущее желание убраться из скорбного места. Лицо у заведующего было карикатурно-сладким, тон доверительным, он многозначительно заглядывал ей в глаза, давая понять, что они одного круга и прекрасно друг дружку понимают. Только ручку не жал и не похлопывал по плечу, как тот, другой.

Заведующий потянулся к телефону, сказал в трубку:

– Приведите ко мне Татьяну Мережко.

Вера внутренне сжалась, не сводя взгляда с двери. Трудно описать то, что она испытывала. Гнев и протест против насилия – разве не насилие принять на себя ответственность за психопата? Раздражение, неприятное царапающее чувство вины за то, что ни разу за семь лет... ни разу! Не хотела, забыла, руки не доходили... Господи, кому нужны эти долбаные приличия? Платила исправно, причем немало, пусть скажет спасибо, что не загремела в колонию. Дрянь! Ненавижу! И пусть только заикнется о наследстве. Ну, ничего, есть и другие спецбольницы... конечно, надо было подсуетиться заранее, но... черт! Свалилось все сразу. Если бы не Паша...

Вот так вкратце: ненавижу, обуза, что делать. А еще: черт, свалилось, некстати.

В дверь постучались, и, не дожидаясь ответа, вошли сестра в голубом халате и высокая женщина в бесформенном сером платье и туфлях на плоской подошве. Вера впиалась взглядом

в ее лицо – невыразительное, мучнисто-белое, отекавшее. Татка! Как непохожа, господи, оторопело подумала Вера. Татка остановилась у двери, не глядя на них, руки по швам.

– Спасибо, свободны, – сказал заведующий сестре, и та без слова вышла. – Здравствуй, Таня. За тобой приехали. Это твоя сестра, узнаешь?

Татка кивнула, не поднимая глаз.

– Сегодня ты едешь домой, мы все желаем тебе доброго здоровья, не поминай лихом. Теперь у тебя другая семья...

Что он несет? Какая семья? Вера раздула ноздри. Дурак!

...Она шла впереди, чувствуя спиной присутствие Татки, ее дыхание, шорох шагов, даже запах – тусклый спертый больничный запах, – понимая, что нужно сказать... хоть что-то, раз уж так получилось, разрядить обстановку, дотронуться до сестры – сестра все-таки – и не могла заставить себя. Не могла. До боли сжимала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь, и не могла. Сестра... неизвестно еще!

Она открыла переднюю дверцу машины, красной «Хонды Аккорд», отступила в сторону, кивнула Татке. Та, согнувшись, влезла внутрь и неуклюже завозилась на сиденье, устраиваясь. Вера искоса рассматривала сестру, поражаясь перемене в ее внешности и манере держать себя. Взглядывала коротко и тут же отводила взгляд. Рядом с ней сидела неизвестная ей женщина неопределенного возраста. Из буйного, неприятного, крикливого подростка-бунтаря Татка превратилась в непонятное молчаливое и вялое существо с чужим лицом, чужой бесформенной фигурой и тусклыми бесцветными короткими волосами, собранными в жалкий пучок на затылке. Невольно она подумала о том, что сказал бы отец, увидев свою любимицу в таком виде. И снова шевельнулось в ней чувство вины, которое она, впрочем, легко подавила. Сколько ей теперь? Двадцать пять, а на вид старуха. Хоть не буйная, и на том спасибо...

За окном мелькали дачные поселки, нарядные домики, увитые виноградом, облезшие сараи, рощи и перелески.

– Узнаешь? – спросила Вера, испытывая усиливающийся дискомфорт, чувствуя, что нужно сказать хоть что-то, начать разговор, спросить и услышать ответ.

– Да, – ответила Татка. Голос ее был таким же тусклым, как и лицо.

Вере пришло в голову, что сестра семь лет пробыла в четырех стенах больничной палаты, подчиняясь строгому казарменному распорядку лечебницы. Как в тюрьме, без права переписки, без свиданий с близкими. Она вспомнила амбала-секьюрити на входе и невольно поежилась.

Машина въехала в ворота, медленно прокатила по выложенной красно-синей плиткой аллее, остановилась перед крыльцом.

– Мы дома, – сказала Вера через силу. – С приездом.

– Дома, – отозвалась Татка, не делая попытки расстегнуть ремень и открыть дверцу. Сидела, безучастно глядя на дом; руки все так же лежали на коленях. Вера увидела ее коротко остриженные ногти и невольно перевела взгляд на свои, покрытые лиловым лаком.

Дом... Громадный двухэтажный домина под красной черепичной крышей, с окнами разной формы и размера: круглыми, как иллюминаторы, криво-квадратными и криво-узкими горизонтальными, он странным образом напоминал человеческое лицо: улыбающийся рот с усиками – большая двустворчатая дверь с красно-синей витражной вставкой сверху, слегка перекошенной; круглые удивленные глаза – два окна-иллюминатора по бокам; длинный нос – узкое, с частым переплетением рамы и сглаженными углами окно выпуклого толстого тонированного стекла с первого этажа на второй. И крыша как остроконечная красная шапочка гнома с ушками – двумя каминными трубами, украшенная ажурным коньком и флажком-флюгером. Дом когда-то нарисовал их отец и, несмотря на протесты супруги, долго искал архитектора, который согласится воплотить это чудо. Он называл свое детище «кривой модерн» и все время цитировал одного сумасшедшего архитектора, который считал, что прямые линии и углы не

имеют права на существование. Природа извилиста, говорил отец, искусство следует природе, *ergo*, искусство тоже извилисто. Как жизнь. Мама только качала головой. Однажды она сказала, что отец сошел с ума из-за своей циркачки и у Татки дурная наследственность...

Их встречали. Володя стоял на крыльце с цветами. Вера поморщилась – идиотская затея, какие цветы! Тоже мне, семейное торжество. Прост как грабли...

– Добро пожаловать, – сказал Володя, протягивая цветы Татке. – А я уже стал беспокоиться, вас нет и нет!

Тон у него был нарочито бодрый, чувствовалось, однако, что он смущен. Вера, подавив раздражение, бросила, обернувшись к сестре:

– Возьми, это тебе!

Татка взяла цветы, уставилась. На лице не промелькнуло ровным счетом ничего. Она смотрела на цветы, неловко держа их перед собой. Казалось, она не понимает, что это и что с этим делать.

Вера и Володя переглянулись, и Вера пожала плечами. Володя отступил, пропуская девушек. Они вошли.

– Господи, как я устала! – простонала Вера, сбрасывая туфли на высоких каблуках. – Я к себе. Володя, покажи Татке ее комнату.

– Не задерживайся, я накрыл стол в гостиной, буду кормить вас. Таня, где твои вещи?

– Не нужно! – поспешно сказала Вера. – Я все приготовила. Пусть примет душ.

Она не обратилась к сестре прямо, она говорила о ней в третьем лице. «Пусть примет душ...» Как о малом ребенке или о животном.

– Конечно, Верочка. Пошли, Таня! – Володя тронул локоть Татки. Она дернулась, как от удара, и отступила.

Вера босиком побежала к себе на второй этаж, Татка и Володя остались в большой прихожей. Татка озиралась, подолгу задерживая взгляд на деревянных панелях, оленьих рогах, высоких шкафах темного дерева. Узнавала и не узнавала...

– Это твой дом, – сказал ни с того ни с сего Володя.

Он чувствовал неловкость и разочарование. Татка оказалась совсем не такой, какой он ее себе представлял. Не коварная красотка-злодейка из рассказов Веры, а потухшее бесполое существо без возраста.

Она не ответила.

– Пошли, твоя комната там, – он махнул рукой, стараясь не прикоснуться к ней, не желая спугнуть, и еще что-то было... неуверенность, опасение, даже страх, возможно – женщина, стоявшая посреди прихожей, была чужой, неуместной здесь и ненужной; он невольно посочувствовал Вере. Возможно, еще брезгливость. Женщины в его мире были другими. Они были шумными, жизнерадостными, прекрасно одетыми, знающими себе цену. От них хорошо пахло.

Он пошел вперед. Татка шагнула следом...

...Это была небольшая гостевая комнатка, светло-голубая, с большой кроватью и комодом тускло-рыжего дерева, с серебристо-серыми гардинами и узорчатым гипюром на окне, выходящем в сад. С неожиданно пестрым красно-сине-желтым ковриком на полу у кровати – единственным здесь ярким пятном. Она помнила эту комнату, она жила здесь когда-то. Теперь все здесь было другим. Не было ее кровати под лоскутным одеялом, которое сшила мама, исчезли книжный шкаф и кресло, где сидели две куклы – большая, в шелковом платье красавица Рита, подарок отца, и замухрышка Славочка с круглыми голубыми глазами на круглой радостной физиономии, купленная на базарном лотке мамой. Целую вечность назад. Она представила, что они валяются где-нибудь на свалке, розовое платье Риты выгорело, стало грязным, как и ее золотистые локоны, а Славочка... Славочка всегда была грязнулей, ей не страшно. Татка усмехнулась. Мама... Мама была красивая! Много смеялась и танцевала. Хватала ее, Татку, за руки и кружила под музыку. А папа смотрел на них и тоже смеялся...

Не было ее картины – неумелого и неуклюжего натюрморта: синие ирисы в узкой стеклянной вазе и блюдец с клубникой. Папа любил ее рисунки. Вера ревновала – они обе ходили в художественную студию...

– Располагайся, – сказал Володя, и Татка вздрогнула. – Там – ванная. В стенном шкафу одежда. Приведи себя в порядок и выходи, мы ждем. – Он с облегчением прикрыл за собой дверь.

Татка некоторое время рассматривала комнатку. Подошла к кровати, потрогала голубое шелковое покрывало; сбросила туфли-тапочки, встала босыми ногами на шершавый коврик. Засмеялась от щеколки и тут же оглянулась на дверь. Подошла к окну, постояла, глядя в сад. Под окном цвела пышная персидская сирень, и Татка вдруг ощутила ее сильный пряный запах. Окно было закрыто, а она слышала запах сирени. Подумала, что запах у нее в голове, а не на самом деле. Она помнила эти кусты, они сажали их вместе – она и отец, осенью, день был теплый и пасмурный. Он сказал: «Это персидская сирень, у нее необычный запах и цвет, вот увидишь, она тебе понравится, она расцветет весной, в мае». Отец не дожил, умер зимой. А она осталась. С сестрой Верой и тетей Тамарой, женой отца. В покачнувшемся картонном домике, с его хрупким миром, с его расстановкой сил «два на два». После смерти отца баланс нарушился, и система стала заваливаться. Она осталась одна против тех двух...

Она вдруг вспомнила, что в тот день, когда ее увезли из дома, тоже цвела сирень и окно ее комнаты было распахнуто. Ей сказали, что на консультацию к психиатру, иначе колония. Она поверила. Ни вещей, ни мобильного, ни косметики... ничего, ушла с пустыми руками. С дядей Витей, другом дома, другом отца. Улыбчивый, с крашеными волосами... странный цвет, баклажанный, и румяными щечками. Она называла его старым козлом, он никогда ей не нравился, она инстинктивно чувствовала в нем мерзость и подлость. И не ошиблась, как оказалось. Он похлопывал ее по плечу, говорил, что все будет хорошо, просто прекрасно и расчудесно, что он обещал своему другу Володе... не дожил, царствие ему небесное, что он сделает все для них, для нее, Танечки, любимой дочки любимого друга. А эти обе стояли на крыльце, молчали, смотрели вслед. Вера и тетя Тамара. Вера в синем коротком платьице – она любила синий цвет, с короткой стрижкой, похожая на подростка; тетя Тамара – крупная, статная, в бордовом шелковом костюме, с узлом пышных волос на затылке, с массивным золотым колье на полной шее и длинными до плеч серьгами – она любила большие тяжелые украшения. Однажды она, Татка, украли золотой браслет, из шкатулки на туалетном столике... Сперла. Стырила. Татка усмеяется. Шмон и визг на всю деревню. Тетя Тамара закатила ей оплеуху, рука у нее была тяжелая, да еще кольца. Ей было хреново, она под села тогда прилично... Был май, как и сейчас. Пришла санитарная машина и... большой привет! Они смотрели вслед, зная, что она уже не вернется. Дядя Витя суетился и болтал без умолку, утешал, тоже зная, что она не вернется...

Сначала она билась головой в стенку, кричала, требовала, звала отца, сидела в камере. Потом умоляла... Ломка была страшная, она царапала в кровь лицо, рвала волосы... ее постригли наголо. Удивительно, что не подохла. Потом смирилась, пила лекарства, смотрела сквозь решетку окна в сад или спала. Семь лет. По слухам, скорбный дом закрывают, причем спешат. Психов разбирают родственники, распахивают по новым приютам, а она вот вернулась домой, чего-то сводная сестренка недоглядела. Косячок получился. Накосычила. Татка снова усмеялась.

...Ванная походила на кукольный домик. Все голубое, воздушное, серебристое. Пушистый коврик, полупрозрачная занавеска, сверкающие краны. Открыть кран удалось со второй попытки – она не сразу сообразила, в какую сторону крутить. Взяла с края ванны флакон с шампунем, повертела в руках, надавила, пытаясь открутить крышку. Флакон внезапно взорвался розовым фонтанчиком, пахнущим сладко и нежно. Татка вздрогнула и уронила флакон. Поднесла к носу руки, закрыла глаза. Сидела на краю ванны, втягивая в себя цветочный запах.

Вытерла руки о платье, подняла руки, стаскивая бесформенную одежду. Стянув, бросила на пол, отшвырнула ногой. И перешагнула через борт ванны...

...Она стояла под душем, закрыв глаза, неподвижно, отдаваясь чувству тепла и упругого прикосновения водяных струй. Налила в ладонь геля, зеленого, как трава, с густым травяным запахом, скользнула руками по бокам, животу, бедрам.

Потом долго рассматривала себя в зеркале. Стояла нагая и рассматривала, задерживая взгляд на коротких бесцветных волосах, на бледном невыразительном лице, на опущенных плечах и маленькой груди...

Она попыталась улыбнуться, что далось ей с трудом. Не усмехнуться криво и угрюмо, а улыбнуться. Не получилось. Губы не хотели растягиваться в улыбку. Она растянула их пальцами. Улыбка получилась неприятной и жалкой. Она убрала пальцы; улыбка исчезла, и лицо снова стало угрюмым. Это я, сказала она себе. Я вернулась... домой? Да, я вернулась домой. Это мой дом. Меня долго не было, а теперь я вернулась. Я разучилась улыбаться. Я худая, я старая... сколько мне? Двадцать пять... кажется. Я старуха. Резкие морщинки в углах губ, морщинки в углах глаз. Сухие губы... бледные. Ей показалось, она заметила седину на левом виске. Нагнулась к зеркалу, присмотрелась. Показалось. Бесцветные короткие пряди, торчащие уши. Хороша. Интересно, здесь еще остались альбомы, где она с отцом, с мамой... где-нибудь? Или тоже на свалке, рядом с Ритой и Славочкой...

Мысли ворочались вяло. Она зажмурилась и помотала головой. С силой взъерошила волосы, подергала себя за мочки ушей...

...В шкафу висела одежда: серое закрытое платье, клетчатая черно-серая юбка-клевш, две блузки – белая и коричневая, обе с короткими рукавами. На полке – черный свитер и пара футболок, черная и бордовая. Татка достала платье, подошла к зеркалу. Старушечий фасон, старушечий цвет. И слишком велико. Она повесила платье обратно. Сняла с вешалки юбку и белую блузку. Стояла перед зеркалом, рассматривала себя. Юбка тоже великовата, блузка... Она расстегнула верхнюю пуговку, потом еще одну, потрогала выпирающие ключицы. Оторвала ценники...

...Володя постучался. Вера закричала: «Входи!» Он вошел. Вера причесывалась перед зеркалом. В синем платье без рукавов, с ниткой жемчуга на шее, в легких домашних туфлях цвета незрелых оливок.

– Ты красивая, – сказал он, обнимая ее. – Женщина моей мечты.

– Где она? – Вера дернула плечом, сбрасывая руки мужчины.

– У себя в комнате. Что ты собираешься делать?

– Не знаю. Поищу новое заведение, они дали адреса. Черт, раньше надо было думать, все сразу навалилось...

– Ты думаешь, нужно?

– Ты же видел ее! – Вера повысила голос. – Она же никакая, даже говорить разучилась. Она опасна, еще пожар устроит. Я не собираюсь держать в доме психопатку. Кроме того, она воровка. Пока присмотрит Света, а потом... посмотрим.

– Света ее знает?

– Нет, она у меня три года всего. Как она тебе? Сказала хоть что-нибудь? Между прочим, это была ее комната.

– Ничего не сказала. Стояла, озиралась. По-моему, она даже не заметила, что я ушел.

– Господи, за что мне этот кошмар? – простонала Вера. – С Пашей возись, теперь с этой...

– Ты бы не торопилась.

– Я не буду жить с ней в одном доме! – отчеканила Вера. – Я ничего не забыла, понимаешь? И отцу никогда не прошу.

– Понимаю, чего уж тут. Все образуется, не бери в голову.

– Надеюсь.

– Кстати, вы с ней похожи, не близнецы, конечно, но что-то есть.

– Не выдумывай! – с досадой сказала Вера. – Мы с ней совсем разные!

...Они сидели за парадным столом в гостиной. Большие японские тарелки с веткой сакуры – маленькие розовые цветочки – Верины любимые; хрустальные бокалы, высокие стаканы для воды. Копченое мясо, сыр, паштет, квадратики хлеба, ломтики помидоров на листьях салата. Красиво и несъедобно – парниковые помидоры отвратительны. Вера поморщилась – зачем эта помпа, можно было и на кухне. Володя хороший парень, но ничего не понимает, простоват.

Молчание затягивалось, пауза становилась неприлично долгой.

– Это твой муж? – вдруг спросила Татка, подняв глаза на Веру. – А где Паша? – Голос у нее был сиплый.

Вера и Володя переглянулись.

– Паша в больнице, – сказала Вера. – Ты его помнишь?

– Помню. Что случилось?

– Авария. Он в коме уже несколько месяцев.

– Он поправится?

Вера пожимает плечами:

– Врачи не знают. Говорят, делают все, что могут.

– Врачи... – бормочет Татка. – Они всегда делают то, что могут, и даже больше.

Фраза повисает в воздухе. Вера, раздувая ноздри, смотрит в тарелку. Володя вскакивает и хватает бутылку вина, преувеличенно бодрым тоном приглашает не стесняться и накладывать... Паштет свежайший, мясо, сыр! Такой хлеб только в одной лавке. А потом горячее, говорит он, сюрприз. Язык проглотите, девчонки, обещаю!

Вера с трудом подавляет раздражение: да что ж он так суетится!

– А тетя Тамара... – Татка запнулась.

– Мама умерла два года назад.

Молчание в ответ. Эта дрянь даже не сказала что-нибудь приличествующее случаю, что-нибудь вроде: «Ах, как мне жаль, земля пухом, царствие небесное...»

– Я хочу на могилу папы. Можно?

– Конечно, – поспешил Володя. – Я тебя отвезу.

– Спасибо.

– А теперь горячее! Фирменное блюдо, старинный семейный рецепт.

Он убегает на кухню. Они молчат, прислушиваются к звукам из кухни. Хлопает дверца буфета, он появляется с блюдом в руках. Ставит в центр стола, торжественно объявляет:

– Плов с креветками, курагой и изюмом! Под красное вино. Прошу!

Глава 3. Обживание. Память

За открытым окном – светлая ночь. Земля остывала, от нее поднимался легкий невесомый туман. Сверху смотрели звезды. Благоухала персидская сирень. Ни движения, ни ветерка. Черные пятна деревьев, пепельные тюльпаны на длинной клумбе перед окнами. Татка вспомнила, что днем они белые и желтые. Она сидела на подоконнике в одной ночной сорочке, поживаясь от ночной свежести. Вспоминала. Через это окно она сбегала из дома по ночам, мчалась в молодежный клуб... как он назывался? Она напрягла память... черт! «Крэйзи маус»!¹ Ну да, «Крэйзи маус», и ребята, фрэнды Визард, Шухер, Бэмби, Дихлофос, Попса, Мекс... Спелая компания, один за всех, все за одного. И она, Татка-циркачка.

Визард – нервный, с тонкими чертами лица, тату-художник, воспитанник детдома; Шухер – тощий, длинный, с большим приветом, но классный программист, из родных – одна бабка, в прошлом партийный босс, фельдфебель в юбке, раз-два левой, глубоко преданная идеям, державшая внука в ежовых рукавицах. Бэмби – круглая, глупая, хихикающая от шуточек Визарда девочка из приличной семьи, кравшая деньги из маминой сумочки; Дихлофос – страшно худой, молчаливый, говорили, у него туберкулез, оба родителя – законченные алкоголики; безголосая Попса пела в ночных клубах и подрабатывала проституцией; умный Мекс, студент-историк, вытаскивал всю команду в поле, заставлял ковыряться на вспаханных полях, выгребая кусочки керамики, объяснял: это гребенчатая, это ямочная, видите, узоры как от вдавленного гребня, а тут просто ямки? Черная глина – наша местная, глей. И белая, экспорт, с юга. Даже на пляже он увлеченно разгребал песок – на кромке воды и берега, куда река вымывала черепки, старинные бусины, иногда монеты. Они валялись на песке весь день, пили пиво, а то и водку – в основном Дихлофос, – и играли в карты. Им было интересно вместе, таким разным и непохожим друг на дружку. Мекс сортировал находки, аккуратно упаковывал их в полиэтиленовые пакеты, рисовал маркером дату и место.

Однажды с подачи Дихлофоса и скуки ради они ограбили продуктовый ларек, вынесли четыре бутылки тошнотворного пойла и несколько пачек печенья. Дихлофос сгреб несколько некрупных бумажек, нечаянно забытых под стойкой. Удирали под полицейскую сирену, летели врассыпную, кто куда. Собрались минут через сорок в парке, как было уговорено заранее, упали на траву. Хохоча и перекрикивая друг дружку, устроили разбор полетов и пришли к выводу, что грабеж – дело занятное и не очень страшное. Главное, вовремя свалить. Дихлофос открыл бутылку, они пили по очереди сладкое липкое пойло, потом Бэмби затошнило, и ее с хохотом потащили в кусты...

Визард был ее парнем, единственным, у кого был постоянный заработок и собственная комната в коммуналке, обломившаяся ему от приятеля, загремевшего на нары всерьез и надолго за вооруженный грабеж.

Денег им, разумеется, не хватало, и Татка таскала из дома шмотки, которые сбывала Попса... однажды украла золотой браслет тети Тамары. Крик стоял страшный!

Визард был самым взрослым – ему было двадцать три. Немногословный, спокойный, ироничный... Лидер. Татка иногда оставалась у него на ночь, прекрасно понимая, что ее ждет дома. Он планировал открыть студию на пару с одним знакомым, даже название придумал: «Викинг». Партнер договорился о кредите, Визард выставил на продажу свой байк.

Они лежали на старой раздолбанной кровати, любили друг дружку и мечтали...

В какой-то момент их компания стала разваливаться. Умер избитый какими-то отмороженными Дихлофос, родители увезли Бэмби за границу, от греха подальше – после того, как их замела «контора» за пьянку в парке. Ничего страшного не произошло, прочитали мораль и

¹ «Crazy mouse» (англ.) – «Сумасшедшая мышь».

отпустили, ну еще покошмарили предков. Тетя Тамара слегла с высоким давлением, Вера обозвала ее приبلудой и шлюхой. Татка помнит ее лицо, перекошенное от ярости, губы, выплевывающие ругательства. Тогда она толкнула Веру, и та страшно закричала...

Шухер после третьего ограбленного ларька испугался и «завязал», стал их избегать, объясняя, что у бабки большое сердце и она все время плачет. Он что-то бормотал, в глаза не смотрел, выглядел диковато, и Татка решила, что он слетел с катушек окончательно.

А потом... А потом она застучала Визарда в постели с незнакомой бабой. Взрослой незнакомой бабой! Татка помнит, как потемнело в глазах, как она закричала, как закричала женщина в постели... Потом она стояла с ножом, а Визард в крови лежал на полу; захлопали двери, прибежали люди, какой-то амбал скрутил ей руки, и она закричала от боли...

Дальше Татка не помнит.

Таскали всех. Визард умер в больнице от трех ножевых ран спустя два дня. Тетя Тамара не выходила из своей спальни, ей вызывали «Скорую» по нескольку раз на дню. Она сидела под домашним арестом, ожидала психиатрической экспертизы. Дождалась. Уж лучше бы в тюрьму...

Она вдруг спрыгивает с подоконника, бежит к стенному шкафу, распахивает дверцу. Внизу она прятала коробку от обуви с фотками их компании. Черно-белыми, от Шухера – он неплохо фотографировал, косил под профи, объяснял, что черно-белые – это искусство: светотень, четкость и вообще выразительнее, чем цветные. Шухер не расставался с камерой, щелкал все подряд... где-то он теперь? Шухер плакал навзрыд, он любил Визарда. Они с Таткой пересеклись случайно на допросе...

Татка понимала, что коробки в шкафу нет, что фотки скорее всего тоже на свалке или давно уничтожены, но она так явственно видела эту коробку, синюю, с красивой надписью на крышке... надеялась на чудо: а вдруг!

Коробки в шкафу не было. Татка постояла босая у шкафа и вернулась на подоконник. Сидела на подоконнике, упираясь подбородком в коленки, смотрела на пепельный лунный сад, вдыхала надрывное благоухание сирени под окном, вспоминала. Грызла ногти – была у нее такая неприятная привычка...

Глава 4. Бессонница

– Ты спишь? – спросил Володя.

– Не могу уснуть. Черная полоса... Всю голову себе сломала, не знаю, что делать.

В спальне было темно; слабо светилось длинное окно в частых переплетах рамы; правая створка была распахнута, впуская одуряющий запах персидской сирени.

– А что тут можно сделать? По-моему, не все так страшно, не накручивай себя. Татка не буйная, тихая, как трава, будет сидеть у себя в комнате... только не забывай кормить таблетками.

– Знаешь, я ее не узнаю, она теперь совсем другая... Была буйная. Стала... сам видишь какая.

– Может, это не она? – пошутил мужчина. – Ты рассказывала, что она бунтарь, скандалистка, воровка. Здорово ее привели в чувство. Семь лет не кот начхал. За убийство столько же дали бы, а то и меньше, отмазали бы.

– Ага, и так сплетни по городу, мама почти не выходила и не брала трубку, я взяла академотпуск. Сестра-убийца! Как вспомню... ужас! Позорище! Нас сделали чуть не наркоманами, содержателями притона... а я тогда уже встречалась с Пашей, пожениться хотели. Пришлось отложить. Уж лучше психопатка, чем зэчка.

– Ты говорила с ней, она хоть понимала, что наделала?

– С ней говорить бесполезно, это не человек, это животное. Подлое, жестокое, дурное животное. Тварь. Она ничего не помнила, была не то пьяная, не то похуже. И подружка такая же – проститутка, и дружок – алкоголик не то с туберкулезом, не то со СПИДОМ. Была еще одна, прибилась по малолетству, из приличной семьи, так ее сразу увезли куда-то с глаз долой. Соседи убитого парня, он постарше был, говорили, что у него постоянно пьянки были, они вызывали ментов. Малосемейка, там контингент знаешь какой? А эти даже для них были слишком. Там и драки были, и поножовщина.

– Как же она попала в их компанию?

– Она всегда была безбашенная, с ней один отец справлялся. Когда он умер, она пошла вразнос. Может, назло нам, она нас ненавидела. Мы устроили ее в закрытую школу, она несколько раз сбегала, пока ее вообще не турнули. Из дома тоже сбегала. Мама пыталась что-то делать, упрасивала, требовала, лишала карманных денег, запирала, наконец. Так она удирает через окно, представляешь? И теперь снова эта обуза! Тут с Пашей ума не приложу, что делать...

– Не нагнетай, все образуется, – сказал Володя примирительно. – Мы вместе, пробьемся. Она не представляет опасности, по-моему, она сломана, овощ. Даже говорит с трудом, заметила? А Паша... Твой доктор виляет, тянет с тебя... знаем мы эти номера. Нужно забрать его домой, найдем сиделку, получишь право подписи. А он будет себе лежать в своей комнате, никому не помеха. Главное, удержаться на плаву.

– А если он придет в себя?

– Говорят, в коме лежат годами. И потом... всякое ведь может случиться, правда? Его перекроили заново, на нем живого места нет... такие долго не живут.

– Я ставлю за Пашу свечку, – сказала вдруг Вера. – Как иду из больницы, обязательно зайду в храм, там рядом...

– За здоровье или за упокой? – ухмыльнулся мужчина.

– Перестань! И так тошно. А теперь еще эта... Слава богу, мама не дожила. Знаешь, у нее еще тот характерец был... Боец! Она и меня строила. Она была царица – крупная, статная, и характер под стать. Я иногда думаю, что отец не выдержал, сбежал из-за мамы. Они оба были сильными, а двое сильных редко уживаются. Хоть ума хватило не развестись.

– Кто была Таткина мать?

– Я видела ее всего один раз, мы наткнулись на них в городе. Мне было тогда четыре, а она с громадным животом, лицо в коричневых пятнах, идет, переваливается как утка. Беременная любовница... пошлость! Помню, с мамой истерика была, ей было бы легче увидеть отца мертвым. Они дико поскандалили. После этого он ушел. Мама называла ее девкой и подлой дрянью. Я помню, как она кричала: «Эта девка, эта подлая дрянь!» Я смотрела на нее во все глаза, я еще ничего не понимала, думала: а как же мама, а как же я? Они держались за руки. Отец смеялся, она жалась к нему. Они были счастливы. Господи, ну никакая! Я бы еще поняла отца, если бы там было на что смотреть. Так нет же! Никакая! Темноволосая, небольшая, в простеньком платье и каких-то детских сандалиях... до мамы ей было далеко, даже я, маленькая, поняла. Работала циркачкой, сломала ногу, не могла больше прыгать, сидела на кассе. Без образования, ни рожи ни кожи. Не понимаю мужиков, чего надо было? Шикарный дом, семья, друзей полгорода, поездки, праздники, и все так бездарно порушить! Отец перестал заниматься бизнесом, кое-что пришлось продать, наш генеральный, дядя Витя Лобан, друг семьи, донес, что он собирается купить дом за городом. Ездят вместе, присматривают. Он же нам рассказал, что родилась девочка и отец совсем с ума сошел, бегаёт, покупает подгузники и коляски, делает ремонт в новом доме.

Мама три дня не выходила из спальни, я сидела с ней, боялась, что она умрет. Держала за руку. Я не понимала, за что папа сердится на нас. Горе вошло в наш дом. Маме звонили приятельницы, доносили сплетни, сочувствовали, жалели... лучше бы оставили нас в покое. После их звонков мама лежала с гипертоническим кризом. Ненависть, обида... она желала ему смерти. Наверное, там, наверху, слышали ее молитвы, и мадам слиняла. Говорили, с циркачом, своим бывшим хахалем. Привыкла к бродячей жизни. А отец вернулся... а куда ему было деваться? Убитый, постаревший. И приволок с собой *эту!* Люби и жалуй, дорогая семья, вот вам новая дочь и сестра! Мама сцепила зубы и приняла, а что было делать? Но ничего уже не вернулось. Отец тосковал, для него существовала одна Татка, он каждый вечер приходил пожелать ей спокойной ночи, сидел, разговаривал... У меня была своя комната, мама настояла, не хотела, чтобы мы были вместе.

– А к тебе не приходил?

– Приходил. На пару минут. Как повинность отбывал. Они часто ссорились, мама ничего не простила, а он ничего не забыл. Я думаю, что лучше бы он ушел, честное слово...

– А почему не ушел?

– Не знаю. Сломался. Он и бизнесом перестал интересоваться, все держалось на дяде Вите, мамином шпионе. Вот уж где подлая личность! Отцов друг детства, полнейший нуль – тот держал его из глупой сентиментальности. При отце он хоть стеснялся открыто красть, а когда отца не стало, пустился во все тяжкие. Слава богу, через полгода мы встретились с Пашей, у него был диплом экономиста, собственный бизнес. Он-то и объяснил нам, что такое дядя Витя, и предложил гнать его куда подальше, но мама горой за него стояла... я думаю, она была благодарна ему за поддержку. Он был своим, она часто советовалась с ним... мне иногда казалось, что между ними что-то есть. Кстати, это он разбирался со следователями, передавал деньги кому надо, а потом нашел Татке подходящую лечебницу. Сам отвез. Паша настоял, чтобы перевести его на новую должность, представительскую, хорошо платил, но не давал ходу. Дядя Витя у нас как английская королева.

– Пашка прав, Лобан пустое место, да еще и бабки тянет. Я тут присмотрел одного паренька, на случай, если будем расширяться: хороший диплом, стажировка за кордоном. А этого старого козла нужно гнать, только место занимает.

– Мама заставила нас пообещать, что он останется. Мы тогда были уже женаты, и Паша взял бизнес в свои руки. Паша обещал.

– Жалко денег.

– Да уж. А с другой стороны, черт с ними, с деньгами. Он был маминым верным псом, возможно, ей было легко с ним. Дядя Витя не проблема, у нас другая головная боль. Ума не приложу, что теперь делать, голова кругом.

– Пробьемся, бывает хуже. Послушай, ведь их уже нет...

– Кого нет?

– Нет ни твоей мамы, ни Пашки. Я бы уволил Лобана. Старый дурак корчит из себя хозяина, отменил на днях мое распоряжение, лезет всюду. С хорошим выходным пособием, с банкетом... хрен с ним! Можно медаль повесить. Подумай.

– Подумаю. Сейчас не время. Парень хоть приличный?

– Парень нормальный, говорю же, диплом, стажировка. Я присмотрю вначале, введу в курс.

– Нам главное не потонуть, удержаться на плаву.

– Удержимся.

– Обещаешь?

– Стопудово. Все проходит, как сказал мудрец. Пройдет и это. Найдешь ей закрытое заведение, соберешь справки, отправишь по этапу. Заплатишь сколько потребуют. Это все фигня, поверь. Деньги очень облегчают бытие. Только сначала пусть подпишет дарственную. Кстати, ее мать не объявлялась?

– Я же говорила – ни разу! У таких, как она, ни детей, ни семьи. Однодневки. Удивительно, что отец купился. Знаешь, она дважды пыталась покончить с собой... там. Едва откачали. Татка...

– Возможно, это было бы лучше для нее.

– Для всех.

– Для всех. А как Пашка относился к Татке?

– Никак. Не помню. Сколько ей было... семнадцать? Соплячка! Спрашивал иногда, даже собирался навестить, я говорила: да-да, конечно, как-нибудь съездим, ее мама навещает. Ему было все равно, он был счастлив, что получил в руки компанию, пропадал на работе днем и ночью, сам знаешь. – Она помолчала, потом сказала: – Нелепо как-то все получилось...

– Нелепо. Но жизнь все равно продолжается. Помни, мы вместе. Иди ко мне!

– Проклятая сирень, у меня на нее аллергия, – пробормотала Вера. Помолчав немного, спросила: – Ты веришь в возмездие?

– Спи! – невпопад ответил Володя, прижимая ее к себе.

Глава 5. Долги наши

...Они были молодожены и все время целовались. Этот мир был словно создан для них – такой же щедрый на ласку. Тим, Тимофей (в честь прадеда) услышал от знакомого о заброшенной деревне, смотался посмотреть, с ходу влюбился и снял дом. Снял – громко сказано. Хозяйка Люба сказала: «Да живите сколько хотите! Мы с Любкой тут рядом, в другой хате». Любка была не дочь хозяйки, как Тим было подумал, а корова, по странной прихоти носившая то же имя.

– Представляешь, – сказал Тим Нике, – одноименная корова!

Деревня называлась Ломенка. Ломенка под Детинцем. Это была не столько деревня, сколько пчелиное хозяйство в прошлом, кооператив. Хотя и деревня тоже. Здесь оставалось еще с десятков-другой ульев, но держали только для себя. И столько же обитаемых развалюх под соломенными крышами, судя по пышным красным мальвам и золотым шарам вдоль тына. И несколько заброшенных – лебеда в рост человека во дворах, тусклые оконца, похилившиеся тыны. Разор и запустение. Старики ушли, дети разбежались, а пчелы одичали.

В их хате был земляной пол. Ника сбросила сандалии и прошлепала босиком через сенцы.

– Чудо! Просто чудо! – Она повернула сияющее лицо к мужу. – Тим, как ты его отыскал? Какой ты молодец!

Они снова целовались. В доме было прохладно и пахло мокрым мелом – Люба побелила печь. Печь светила в полумраке голубыми боками. На столе стоял глиняный жбан с ромашками. С потолочной балки свешивались пучки сухой травы. Ника потянула один – на голову сыпанула труха и запахло терпко. Ой!

– Я сниму! – Нестарая еще женщина стала на пороге – полная, с загорелым лицом, босая. – Надо свежих.

– Люба, это Ника! – представил Тим жену.

– Очень приятно. – Люба вытерла руку о передник, протянула. Рука была горячая, шершавая. – Ника... Вероника?

– Вероника.

– Красивое имя. Как травичка.

– Что? – не поняла Ника.

– Травичка есть такая, вероника, с синенькими цветочками. У нас тут хорошо, увидите. Под Детинцем речка, можно искупаться. Ягоды, шелковицы вон целое дерево, дикой малины и ежевики полно. И мне веселей.

– А что, тут совсем никого нет? Не живет никто? – спросила Ника.

– Есть, но уже мало осталось. А новые не приживаются. Тут один из ваших новых, городских, лет десять назад надумал курорт строить – воздух, говорит, у вас особенный, и вода, и родники, и луга... эти... альпийские! И мед чистый. Привез ученых, они всюду ходили, воду проверяли, колодцы мерили. А зимой, говорит, можно на лыжах. Начал подвесную дорогу строить, да не достроил, передумал. – Люба простодушно рассказывала и с любопытством рассматривала жильцов: голубые глаза сияли, лицо покраснелось. – Жарко сегодня! Пойду. Если надо чего, я тут рядом, Тимофей Сергеич знают. В пивнице молоко утрешнее, пей, набирайся сил. – Она скользнула взглядом по Нике, напоминающей подростка. – А я завтра принесу парного. У моей Любки не молоко, а сахар. И ему полезно... – Она улыбнулась. – С огорода, не стесняйтесь, берите! Огурцы уродили, зелень, горох уже есть. Сегодня под вечер придет Мишка, привезет хлеб, сахар, чай. Жить можно. Ну, отдыхайте, не буду мешать. – Она привычно заправила выбившиеся пряди под белый ситцевый платок и ступила за порог.

– Тим, а как она догадалась? – Ника круглыми глазами смотрела на мужа.

– О чем?

– Что я... Что мы ждем ребенка?

– Догадалась?

– Ну да, она сказала: *и ему полезно*, и так посмотрела!

Тим пожал плечами:

– Я думал, она про меня.

Ника фыркнула. Потом сказала:

– Хорошая тетка, добрая. И какая-то... – Она озадаченно замолчала. – Какая-то несо-
временная, что ли. Не представляю ее в городе. И... совсем простая.

– Все деревенские такие, – сказал Тим веско. – Ты просто не знаешь. Спокойная жизнь, отсутствие стрессов, домашние животные – не какие-нибудь сиамики злюки, а настоящие – коровы и собаки. В прошлый раз я тут видел козу с козлятами. Двое козлят. Увидели меня и как начали бляеть, подбежали, ножки разъезжаются. И еда без химии.

– Как это на такой райский уголок да не нашлось хозяина?

– Был же, фуникулер начал строить, да передумал, – повторил Тим, пытаясь воспроизвести интонации Любы.

Ника рассмеялась.

– Она сказала, молоко в пивнице. Это где?

Они пошарили по кухонным полкам. Пусто. Потом Тим догадался: подпол! Вход оказался в сенцах. Тим потянул железное кольцо, снизу дохнуло сыростью. Он осторожно спустился по деревянным скрипучим ступеням, щелкнул зажигалкой. Крышка стояла на большой перевернутой бочке. Неверный свет обнаружил паутину по стенам, несколько разнокалиберных бочек, пыльные стеклянные банки с темным рассолом, пыльные пустые бутылки.

– Ну что там? – Ника свешивалась сверху.

– Ничего! Нашел молоко.

– А привидений нету?

– Не видно!

Глава 6. Зажатое новоселье и дальняя дорога

– Может, останешься? – без надежды на взаимопонимание спросил Алексей Генрихович Добродеев своего друга Монахова Олега Христофоровича. – Ты же обещал! Сколько можно скакать по жизни? И спина болит, и желудок, и «Зеленый лист» требует, Жорик не тянет, а ты снова в бега.

«Зеленый лист» был небольшой фабричкой, принадлежавшей Олегу Христофоровичу... кстати, для своих просто Монах, и его другу детства Жорику Шумейко, и выпускала она всякие травяные пищевые добавки по рецептам, привезенным им из странствий. Фабричка не то чтобы процветала, но пыхла исправно, давая стабильный заработок, – Жорик управлял ею как мог, в силу собственных умения и разума. Он был хороший человек, даже замечательный, но простой.

– Может, пора остепениться? – вел дальше Добродеев. – Не мальчик, чай. И новоселье... как же без новоселья? Я уже подарок прикупил, Жорик говорит, ребята тоже скинулись, а? Думали посидеть в мужской компании, пообщаться, принять... Жалюзи – и те не повесили! Я молоток и гвозди принес, давай, Христофорыч! Картину опять-таки надо определять, я принес гвоздь покрупнее.

Монах сопел, сосредоточенно набивая необъятный рюкзак всякими полезными вещами вроде свитеров, носков, одеял и спальника, коробок с аспирином, йодом и зеленкой и всяким другим добром, которое может понадобиться в походе опытному путешественнику. Он ходил туда-сюда от ящиков со скарбом, не разобранных со дня переезда на новую квартиру, до громадного дивана, на котором сидел скорбящий Леша Добродеев; рядом светил раскрытым зевом здоровенный рюкзак. Монах вытаскивал барахло из ящиков и укладывал в рюкзак. Лицо его было серьезно, брови нахмурены, на левой щеке – царапина. Добродееву он не отвечал вовсе. Царапину оставила упавшая картина, которую они оба вчера «определяли» над диваном. Вернее, определял один Добродеев, а Монах лежал на диване и давал советы. Картина – подарок Леша, кстати, – изображала Великую Китайскую стену. В ней не было изюминки: стена и стена, длинная, как собачья песня, восемьсот км, и была она вполне скучной. Добродеев подарил ее не без умысла – ему казалось, что такая картина способна начисто отбить охоту к путешествиям. Он принес ее и затеял вешать над диваном, а она возьми и упади на Монаха. После чего решение того слинять куда подальше созрело окончательно. Весна, труба зовет, дробь барабана. Видения быстрого ручья где-нибудь в тайге под вековыми кедром или хрустально-розового рассвета над заснеженными пиками стали посещать его все чаще, причем во всякое неурочное время: за завтраком, во время бритья, мытья посуды и бесед с Добродеевым. Виделось Монаху, что сидит он под кедром на берегу ручья, в ручье играет форель, а рядом горит костерок, булькает в казанке уха и пахнет лавровым листом. Лепота! Он застывал, вглядываясь в картинку, мыслями весь там, а потом, очнувшись, с удивлением озирался по сторонам.

– Видение? – спрашивал догадливый Добродеев. – Опять?

Монах только вздыхал.

...Немного о героях. Олег Христофорович Монахов, Монах для близких и друзей, как мы уже знаем, был необычной личностью. И внешность у него была необычной. Он был толст, большеголов, с длинными русыми волосами, скрученными в узел на затылке, и рыжей окладистой бородой. С голубыми пытливыми глазами, которые видели собеседника насквозь. У него была привычка степенно пропускать бороду через пятерню, что придавало ему вид солидный и внушающий доверие, а пенсионерки, завидев его, крестились, принимая за служителя культа; он степенно кивал и осенял их мановением длани. Весь его облик излучал такое вселенское

спокойствие и безмятежность, что всякому хотелось его потрогать в надежде, что и на него перейдет кусочек благодати.

В свое время он практиковал как экстрасенс и целитель, причем весьма успешно. Был такой период в его пестрой биографии. А еще он преподавал физику в местном педвузе, защитил кандидатскую. Потом перекинулся на психологию, стремясь разобраться в душе как собственной, так и страждущих. Он был женат три раза, и жены его были красавицами и умницами, и дружеские отношения сохранялись после разводов...

Почему был, спросите вы? Почему в прошлом времени? Да по одной-единственной причине – Монах склонен к перемене мест, он бродяга по натуре, он счастлив, когда топает куда-то вдаль с неподъемным рюкзаком за плечами. И рано или поздно в его жизни наступает момент, когда он все бросает: и жен, и насиженное место, и друзей – и летит «за туманом и за запахом тайги» на Алтай, в Монголию или в Непал.

И там, затерявшись в непроходимых дебрях, сидит неподвижно на большом валуне, смотрит на заснеженные горные пики и любит цветущими белыми и красными олеандрами; в прищуренных его глазах отражается хрустальный рассвет. Безмятежность, покой, сложенные на коленях руки... Он похож на Будду.

Бродит по бездорожью, спит в палатке под развесистым кедром или орешником, варит в котелке пойманную рыбу, а то и добытого некрупного зверя, много думает. Там классно думается, под развесистым кедром: ни тебе голосящего мобильника, ни Интернета, ни скайпа, ни докучливого теплого соседа, ни надоевших звуков цивилизации. Думается о чем, спросите вы? Да мало ли! О судьбах мира, загадках истории, физических парадоксах, вроде путешествий во времени, и версиях происхождения человека. Даже о летающих тарелках, с точки зрения физика и психолога: возможно ли в принципе, массовая галлюцинация или научный факт? Да и неважно, о чем думать. Можно попытаться доказать мысленно теорему какого-нибудь выдающегося математика, до сих пор никем не доказанную. Круг интересов Монаха безграничен. Он смотрит на огонь и выстраивает свои мысли в некий логический ряд, пытаясь *уразуметь*, с нетерпением ожидая пронзительного чувства озарения. Пошумливают верхушки деревьев, всплескивает ручей, посверкивают низкие большие звезды, и воздух хрустально прозрачен, холоден и чист; Монах размышляет. Он на равных с окружающей средой – наверное, это называется счастьем.

Он понимает в травах и ягодах, ему сварить снадобье раз плюнуть. Он чувствует, что нужно смешать, и куда намазать, и сколько принять внутрь, чтобы не простудиться. И спишь после приема как младенец, и видишь сны. Правда, потом их трудно, почти невозможно вспомнить – только и остается чувство, что обмыслилась и доказалась некая суперзадача, а вот какая – увы. Зато наутро выспавшийся индивидуум свеж и бодр, мыслительные шестеренки крутятся будь здоров, мысль бежит вприпрыжку, голова варит и всякая проблема, непосильная вчера, разрешается на счет раз-два. И никакого похмельного синдрома.

Иногда, очень редко, правда, Монах видит картинки. Всего два раза в жизни, если честно. Один раз он увидел себя, вынесенного волнами на берег, бездыханного, разбитого о камни. Это случилось за пару минут примерно до того, как он сунулся форсировать вброд незнакомую речонку. Картинка была настолько жизненна, что он сразу поверил, так как считает себя волхвом и ясновидящим и убежден, что открыто ему нечто, скрытое за семью печатями. Во второй раз он увидел бездыханное тело старой дамы с распущенными седыми волосами и, по его собственным словам, чуть не помер со страху. Ну да это долгая история, о ней как-нибудь в другой раз².

² См. роман И. Бачинской «Конец земной истории».

А еще бывают у него предчувствия. Назовите это инстинктом самосохранения, богатым воображением, жизненным опытом... не суть. Словно ветерок пролетает, оставляя после себя ощущение тоски и жути. Словно в затылок подул... кто-то.

Монах вполне искренне считает себя волхвом. «Я, конечно, не господь бог, – говорит Монах с присущей ему скромностью», а лишь всего-навсего маленький незаметный волхв с детективными задатками и легким даром ясновидения. Как-то так.

С журналистом Алексеем Генриховичем Добродеевым Монах познакомился, можно сказать, случайно. Что называется, судьба свела. Его попросили разобраться с убийствами девушек по вызову...³

С какого перепугу, спрашивается? В смысле, с какого перепугу попросили. Он что, частный сыщик? Оперативник в прошлом? Нет, нет и нет. Монах не частный сыщик и не оперативник в прошлом, а попросили его по той простой причине, что пару лет назад он открыл в Сети сайт под названием «Бюро случайных находок» – то ли припадок любви к ближнему накатил, то ли соскучился по людям, скитаясь в тайге, а только захотелось Монаху новых прекрасных жизненных смыслов. И там он обещал помощь бывалого человека и путешественника под девизом: «*Не бывает безвыходных ситуаций*» всем попавшим в тупиковую ситуацию. Нельзя сказать, что от желающих отбоя не было, за весь отчетный период позвонили и попросили о помощи всего-навсего двое. В итоге Монах раскрутил два красивых дела, из тех, что называется, резонансных, обскакав оперативников, в результате чего уверовал в свой детективный гений. Нет, не так. Он подтвердил свой детективный гений, в котором никогда не сомневался, просто руки не доходили попробовать.

В ходе расследований Монах вышел на местного журналиста Лео Глюка, который бойко писал об убийствах, причем напускал туману с намеком, что ему якобы известно *нечто*. Недолго думая Монах позвонил журналисту, и встреча состоялась. Вопреки ожиданиям Монаха, Лео Глюк оказался не прытким глестоперым вьюношем, как ему ожидалось, а солидным на вид, толстым мужчиной, но при этом подвижным, болтливым и любопытным, к тому же от избытка воображения привирающим по любому поводу и без, как, впрочем, и полагается всякому уважающему себя репортеру скандальной хроники. Звали его Алексей Генрихович Добродеев. Имя Лео Глюк было одним из псевдонимов журналиста.

Они сразу нашли общий язык, заключили союз о творческой взаимопомощи и нарекли свое детище «Детективным клубом толстых и красивых любителей пива». Усовершенствованное название: «Детективный клуб толстых и красивых любителей пива и подвешивателей официальных версий». Монах был интеллектуальным двигателем и аналитиком, а Добродеев – добытчиком информации из самых достоверных источников, так как у него везде все схвачено; он также подставлял плечо и разделял самые странные идеи Монаха... по причине некоторой склонности к аферам и мистификациям. Бар «Тутси» стал явочной квартирой Клуба. Тот самый, где барменом добряк Митрич, он же хозяин заведения. Добавьте сюда фирменные бутерброды с маринованным огурчиком под пиво! И девушку, которая поет по субботам. Не дешевую попсу, а настоящие старинные романсы, а также из бардов. И вам сразу станет ясно, что «Тутси» – бар для понимающих: без криков, скандалов и мордобоя, с теплой, почти семейной атмосферой, слегка ретро...

...В данный момент Монах ходит туда-сюда от ящиков с неразобраным барахлом до дивана, где распластался здоровенной жабой с открытой пастью старый верный рюкзак. И новоселье зажил. Заханырил. Добродеев, как человек наблюдательный и с фантазией, подозревал, почему Монах вдруг снялся с места и бьет копытом. Да что там подозревал, он знал!

А дело в том, что между побегами на волю Монах проживал в семье друга детства Жорика Шумейко и его жены Анжелики. Это была та еще семейка добродушных раздолбаев, с тремя

³ См. роман И. Бачинской «Маятник судьбы».

детишками: девчонками Маркой и Кусей и его крестником, тезкой Олежкой, – а еще с кошками, собаками и хомяком. Причем последний, по имени Шарик, любил спать на обеденном столе. Был ли это один и тот же Шарик-долгожитель, или все хомяки у Шумейко назывались Шариками – история мутная, Жорик не знал, а у женщин и детей Монах спрашивать не стал, чтобы не травмировать психику. А только всякий раз, как он возвращался, это животное уже поджидало его на обеденном столе. И Монах часто говорил Добродееву, что хорошо бы занять отдельную квартиру, повесить везде жалюзи – упаси бог, никаких тряпок, – и балконную дверь держать открытой – зимой тоже, чтобы залетали снежинки.

И вот исполнилось! Квартира есть, жалюзи куплены, приобретен безразмерный диван, причем без выпирающих пружин, как у Шумейко, а наоборот, новенький, с иголки, пахнущий лаком и краской, и пора играть новоселье, а Монах засобирался. Тоскует по семейству Шумейко, которое его достало, но, как оказалось, без которого тоже скучно. И Монах на распутье, а когда человек заскучал или на распутье, то самое верное дело сбежать. Несмотря на спину и желудок. И как назло, ничего стоящего на горизонте... в детективном смысле.

– За городом видели летающую тарелку, – бросил Добродеев пробный шар, пытаюсь заинтересовать Монаха. – Совсем забыл!

– Ага, – рассеянно отозвался тот. – Читал твою статью.

– Хочешь, поедem посмотрим?

– Сделай лучше кофе.

– Легко! – Добродеев вскочил. – Может, бутерброд?

– Давай.

– Кстати, надо бы попрощаться с Митричем, может, отметимся вечером? – Добродеев подsunул новую тему. – Пивко, фирмoвые Митрича с маринованным огурчиком, на пару часиков! Как?

Притомившийся Монах присел на диван. Добродеев сделал стойку.

– Жарко сегодня! – Как опытный интриган, он продолжал опутывать Монаха паутиной интриги. – Холодное пивко, колбаска, маринованный огурчик! Наш добрый старый Митрич, народу немного, наш столик в углу...

– Ладно, – поддался Монах, утирая вспотевший лоб. – На пару часиков можно. Попрощаться. Митрич – классный мужик, мне будет его не хватать.

Глава 7. Неприятный разговор

Они шли по аллее старинного городского кладбища. Далекий городской гул перебивало жужжание пчел и цветочных мух, пышно цвели кусты сирени и жасмина, даже белые мраморные ангелочки казались не столько скорбными, сколько задумчивыми. В отличие от беспокойного мира живых, здесь царили вечный покой, тишина и умиротворение. Обитателям кладбища не нужно было спешить жить, хватать жизненные блага и отпихивать локтями конкурентов. Большинству из них удалось самостоятельно сочинить книгу жизни, поставить точку и промокнуть написанное.

– Ты помнишь, куда идти? – спросил Володя.

– Помню. Когда папа умер, я ходила к нему почти каждый день. Нужно повернуть направо, там сразу.

– Ты не устала? – Володе хотелось разговорить ее, она интересовала его все больше, женщин с такой биографией среди его знакомых не было. Бурная юность, сомнительные приятели, убийство, психушка... семь лет! Сейчас ей двадцать пять, тогда было семнадцать, совсем девчонка. Семь лет под замком, да еще и пичкали всякой дрянью. Он украдкой присматривался к Татке, осторожно расспрашивал, делал нейтральные замечания – в основном насчет погоды. На двадцать пять она не выглядела. Лет на тридцать... пожалуй. А то и больше. Сутулая, бесцветная, с каким-то отекившим лицом... наверное, от таблеток. Ходит... нет! – шаркает ногами, тащится медленно, осторожно, словно боится упасть. Выражение лица неуверенное и боязливое, голова опущена, в глаза не смотрит, отвечает, подумав, скупое и однозначно, сама ни о чем не спросит. Во всем облике что-то старушечье. Он испытывал к ней любопытство, смешанное с брезгливостью, ему казалось, что пахнет от нее какой-то затхлостью, старым тряпьем, как от старухи. И одета тоже как старуха. Невольно в нем шевельнулось чувство досады против Веры – не могла прикупить приличную одежду! Не чужая ведь. Он подумал, что непременно скажет Вере, что Татка ей не соперница, отца давно нет, делить ей с этой *полусестрой* нечего... Может, попустит ее, а то аж захлебывается от ненависти, а им нужно сохранять ясные головы, их ждут большие перемены. Надо быть рациональнее. У Веры сильный характер, она прекрасно держит себя в руках, пока не доходит до Татки. А как доходит, слетает с катушек напрочь – Татка вроде красной тряпки перед мордой быка. Правда, тут еще и деньги замешаны, Вера – опекун. Как бы там ни было, сейчас не до Татки. Пусть себе жрет колеса и сидит в своей комнате. Вряд ли ей нужна сиделка, достаточно Светки, присмотр ей не нужен. Главное, не забывать таблетки, еще, может, запирает на ключ. А вот Пашка – проблема, ему присмотр нужен, с ним ничего не известно. Доктор говорит, может, оклемается, а может, нет. Всякое может статься. Не сегодня завтра скажут забирать домой, вот тогда и понадобится сиделка. Да еще процедуры всякие, массажи, томограммы, денег немерено, а бизнес не в лучшей форме. Кризис. Не вовремя все случилось, ох не вовремя. Не повезло. Ну да что уж теперь... Придется забрать домой, а то на одной больнице можно в трубу вылететь. В итоге двое недужных в доме... тоже красиво. Просто супер! Тут дай бог с дядей Витей по-хорошему разобраться, а то ведь брыкаться начнет, старикан капризный... Пашка распустил. И перед ним, Володей, хозяйина строит, сволочь! Точно, утешал Верину мамашу, власть забрал. Хорошо хоть Вера понимает. Ничего, пробьемся. И с Таткой разберемся, не все сразу. Вера права, она здесь никому не нужна. Ей все равно где быть, трава травой...

Они неторопливо шли по аллее, Володя искоса наблюдал за Таткой, она же смотрела себе под ноги.

– Там! – Татка вдруг остановилась, кивнула на боковую аллею. – Я помню, папа там.

Они свернули на булыжную аллею, такую узкую, что им то и дело приходилось уворачиваться от веток цветущего жасмина. Здесь, казалось, шел снег: отцветающий жасмин ронял

лепестки, и они, невесомые, плавно парили в воздухе и падали на булыжники под их ногами. Добавьте сюда пух от тополей вдоль кладбищенской ограды, оседающий на ресницах и щеко-чущий нос. От жасминных лепестков и тополиного пуха было светло, и печаль, разлитая в воздухе, тоже была светлая.

Татка остановилась перед памятником – скромной плитой черного мрамора с крестом наверху. Володя отошел, ему показалось, она хочет остаться одна. Татка присела на крошечную скамеечку у изножия, задумалась.

Володя, гуляя туда-сюда вдоль аллеи, посматривал в ее сторону. Он заметил, что губы Татки шевелятся, она что-то говорила, нахмурившись и сосредоточенно глядя на памятник. Действительно, с приветом, подумал.

Он не услышал, как она подошла, и вздрогнул, почувствовав ее рядом.

– В порядке? – спросил.

Она молча кивнула.

– Ты хорошо его помнишь?

Татка молчала, сосредоточенно глядя под ноги. Потом сказала:

– Он любил меня.

«Он любил меня...» Вся жизнь в трех словах. Прошедшее время, и ничего в настоящем. «Единственный, кто любил меня, единственный, кто был рядом, гладил по голове, покупал игрушки, читал сказки на ночь...» – понял Володя. Сестра Вера и жена отца не в счет.

– Хочешь к тете Тамаре? – спросил он после паузы. – Она недалеко. Хотели положить рядом, да не получилось.

– Нет, – кратко бросила Татка.

– Может, в город? – спросил он после паузы. – У меня есть немного времени.

Татка повернулась к нему, и он впервые увидел ее глаза. Они были зеленовато-серые в коричневую крапинку, совсем как у Веры.

– Купи мне мороженое!

– Мороженое? – опешил Володя. – Какое?

– Какое? – Она выглядела озадаченной. – Не знаю. Зеленое! Не помню, как называется.

– Пошли в кафе, там много всякого, – подумав, предложил Володя.

Тут, наверное, следует рассказать немного об этом персонаже. Володя – красивый рослый молодой человек с открытым лицом и приятной улыбкой. Не злодей, не убийца, а наоборот, вполне добродушный, даже добрый, опять-таки, не коварный соблазнитель, ну, почти не соблазнитель... а что, разве это преступление? Мораль тут как бы размыта, всем известно. Тем более школьный друг Пашка был вечно занят и ничего, кроме работы, вокруг себя не видел, хотя и поговаривали, что не теряется, а Вера – женщина молодая, красивая, требующая мужского внимания. И вообще – вопрос, кто кого соблазнил. Большой вопрос.

Короче, Володя – спокойный и приятный человек, очень исполнительный, правая рука начальника. Другими словами, вечный помощник и вечный второй номер, вечно в тени босса. А босс Пашка – гений! Головокружительные планы, рискованная игра, безумные проекты, и ведь работает! Пашка замышляет, Володя исполняет, а также предостерегает, собирает нужную информацию о конкурентах и держит ухо востро. Стоит Пашке протянуть руку и пощелкать пальцами, как Володя – раз! – и сует ему нужный документ, номер телефона, список или справку. Пашка в полете, Володя же... что сказал поэт о рожденном ползать? Сказал, что не взлетит рожденный ползать. Правильно сказал. Так и Володя – не взлетит. А кто скажет, что ценнее: генератор идей или кропотливый их исполнитель? То-то и оно. Оба ценнее. Это был успешный тандем. Но рано или поздно второй номер начинает думать, что он не хуже, а может, даже лучше. Одним словом, плох тот солдат, у которого в ранце не припрятана маршальская булава. Сидело это чувство в Володе маленьким острым живым комочком, шевелилось, кряхтело, топало ножками, нашептывало в уши. Называется это чувство завистью. Обыкновенная,

банальная до неприличия, серая, как дорожная пыль, скучная зависть. Ложка дегтя. Может, и роман с Верой случился в силу все той же зависти, в силу самоутверждения. А теперь Пашка кончился, можно и посочувствовать – ну, там трубить везде о том, какой Павел Семенович замечательный и креативный руководитель... *был*, портретик на письменном столе в кабинете, слеза в глазу, минор в голосе при упоминании о бывшем боссе – пожалуйста, не жалко, мы люди хорошие. И отношения с Верой можно не скрывать – пусть народ знает, кто в доме хозяин. И дел непочатый край: подвинуть слишком резвых, указать на место слишком самостоятельным, разобраться с дядей Витей Лобаном. Пашка всех распустил. Висят в Интернете, курят в кабинетах, опаздывают, дисциплины ноль. Пашкино кредо: если *он* вкалывает, смотри сквозь пальцы на всякие мелочи вроде вышеперечисленного. Настоящих профи в мире все меньше, а все больше любителей. Ценить надо. «Он» – в смысле «работник». И в кабинет к нему вваливались запросто, без записи, да еще на «ты»! Володя пенял Пашке насчет излишней демократичности, указывал на разгильдяйство персонала и внушал, что должна быть логика. Логика! Босс – это босс, служащий – это служащий. Дистанция! Пашка только отмахивался, говорил: «И в кого ты, Володька, такой зануда?»

Эх, Пашка! Кончился наш Пашка. Судьба. Нелепый случай. Жаль, конечно.

Читатель знает из жизни или из сериалов, что случаются в жизни особи, гадающие из любви к искусству, причем, зачастую вполне бессмысленно – не могут иначе, потому как записные злодеи. Не дай бог, конечно, столкнуться с такой особью наяву. К счастью, их, как истинных гениев, немного. Большинство могут гадить, а могут и воздержаться. Зависит от обстоятельств и востребованности. И совсем уж немного тех, кто органически не способен на дурное – ну вроде как заслонка поставлена, предохранитель.

Володя принадлежал к большинству. К счастью или к несчастью, его способности не расцвели при Паше, зато сейчас горизонты перед ним открылись необъятные. Жена босса, компания босса, место босса! Похоже, пошла карта. Поперла. Значит, рассмотрели его, Володю, где-то там, наверху, расчистили дорогу, подтолкнули: давай, мол, парень, хватай судьбу за хвост. А также простили грехи, вольные и невольные. Доказывая тем самым, что жизненную логику и порядок мироустройства никто еще не отменял, как и всякие умные законы диалектики о цикличности развития, о витках и спиральных, о закономерностях и неслучайных случайностях...

...Татка застыла перед витриной с мороженым всех мыслимых и немыслимых расцветок, а также полосатым, с изюмом, с леденцовой крошкой и орешками.

– Это! – Татка ткнула пальцем. – И это! И это!

– Фисташковое, клубничное и шоколадное, – сказал Володя продавщице. – А мне кофе.

– И мне кофе, – сказала Татка. – Можно?

– Можно. После мороженого.

– Сейчас! Пожалуйста! Я хочу вместе. Я не пила кофе... давно. – Она смотрела умоляюще; она оживилась, говорила запинаясь и облизывала сухие губы.

– Не вопрос! Пусть будет вместе.

Володя умел быть великодушным. Он пил кофе и с улыбкой смотрел на Татку. Она торопливо ела мороженое; наморщив лоб, дула на кофе, отпивала глоток, снова совала в рот пластиковую ложечку с мороженым. На щеках ее появился румянец, лицо слегка подзагорело на солнце, что было особенно заметно в тени красного зонтика – кофе было уличным. Ему пришло в голову, что Татка осталась где-то в прошлом, что ей по-прежнему... сколько ей было? Семнадцать? Соплячка. И за все семь лет никто ни разу не купил ей мороженого. Или кофе. И не навестил. Ни разу. За бесконечных семь лет. Он вздохнул невольно.

– Что? – Татка подняла на него настороженный взгляд.

Он отвел глаза, пробормотал:

– Ничего, просто задумался. Вкусно?

Она кивнула.

- Очень! Спасибо. Послушай... – Она запнулась. – Можно спросить?
- Валяй! – Он улыбнулся, ему хотелось ее подбодрить. Он был незлым человеком.
- А что с Пашей?

Вопрос был неожиданным.

- Ты его помнишь? – спросил он не сразу.
- Помню. Не очень хорошо, правда. Он был муж Веры...

Володя любил рассуждать и расставлять все по полочкам. Прежде чем ответить, он рассматривал вопрос со всех сторон, обнюхивал и пробовал на зуб. Так и сейчас: «он был муж Веры» – как это понимать? Видела, что он остался у Веры на ночь? Не понимает почему? Смысл ее вопроса: «А ты кто в раскладе?»

– Пашу сбила машина, – сказал он после паузы. – Искали по всем больницам и моргам. Нашли на третий день в маленькой районной больнице, перевезли в частную. Его буквально сшили заново, никто не верил, что останется жив. Почти девять месяцев в коме. Врачи говорят, надо ждать. Он был мой друг, – сказал неожиданно для себя – это прозвучало как оправдание.

- Ты работаешь у них?
- Да. Еще хочешь? Кофе или мороженого?
- Уже хватит, спасибо. Ты сказал, у тебя есть немного времени...
- Хочешь на шопинг? – снисходительно хмыкнул Володя. – А деньги у тебя есть?

Татка вспыхнула, покачала головой.

- Ладно, только на полчаса, поняла? – Он достал портмоне.

...Стоя у входа, он смотрел, как Татка ходит между рядами выставленной одежды, трогает, надолго замирает, раздумывает. Заверещал мобильный телефон, это была Вера. Он отошел вбок.

- Что у тебя? Были на кладбище? – спросила Вера.
- Нормально. Были. Едем домой. Ты как?
- Поговорить нужно. Жду в офисе. Давай быстрее.
- Еду. Целую!

Но Вера уже не услышала, в трубке стояла тягучая пустая тишина.

Володя повел взглядом по залу и не увидел Татки. Он вошел в магазин, прошелся по рядам, пробежал по отделам обуви и сумок. Татки нигде не было.

Черт! Он метался по залу, спрашивал продавщиц, те пожимали плечами. Он бросился к охраннику, здоровенному амбалу со скучающей физиономией. Тот покачал головой и спросил:

- Сколько лет?
- Что – сколько лет? – не понял Володя.
- Сколько лет ребенку? – повторил охранник.
- Двадцать пять, – не подумав, брякнул Володя.

Охранник взглянул странно и ухмыльнулся.

Володя пробежал по торговому центру мимо всех пестрых бутичков, заглядывая через стеклянные стены. Раз, другой. Татки нигде не было. У него взмокла спина, ему стало по-настоящему страшно. Эта дрянь попросту удрала, обставила его, как лоха, и смылась!

Прошло полчаса, и он уже собирался звонить Вере, а потом в полицию, эмчеэс... куда угодно, лишь бы делать хоть что-то и занять себя, как тут его тронули за плечо. Он резко обернулся – это была Татка. Улыбаясь во весь рот, она показала ему крошечную бумажную сумочку с ручками-ленточками. Давно он не испытывал подобного облегчения!

– Где ты была? Я чуть не... – Он с трудом удержался от неприличного словца. – Я беспокоился!

– Смотри! – Она протянула ему сумочку. Он взял машинально, заглянул. Там лежала большая красная заколка для волос, усыпанная блестящими камешками.

- Что это? – глупо спросил он.

– Для волос! – радостно сообщила Татка. – Купила там! – Она махнула куда-то рукой. – Правда, класс? Там еще много всего.

– Больше так не делай, – сказал он строго. – Тут все поменялось, можно запросто заблудиться.

– Ага, поменялось, – сказала Татка, улыбаясь во весь рот, и Володя невольно ответил на ее улыбку. – Ничего не узнать.

Вера задержалась дома, поджидая домработницу Свету. Та позвонила, что застряла в пробке, но уже вырвалась и сию минуту прибудет. Вера пила на кухне кофе, поглядывала на часы, нервничала. Татка сидела у себя тихо как мышь, Вера к ней не заходила. Мысль, что *эта* находилась в ее доме, портила ей кровь. Ее раздражал Володя с его дурацкими утешениями... Когда она слышала уже в который раз, что все будет хорошо, она едва сдерживалась, чтобы не заорать: «Да пошел ты! Дурак! Ничего уже не будет хорошо!» Пока был Паша, Володя казался умным и сильным, надежной спиной, плечом, локтем, а теперь... И главное, некуда деваться. Во-во! Самое гнусное, что деваться ей теперь некуда. Свалилось все сразу: и Паша, и Татка, и дядя Витя. А теперь еще Светка. Корова! Чертова сплетница, домашний шпион... Не могла выехать на полчаса раньше, жди ее теперь!

Вчерашний неприятный разговор с дядей Витей не шел из головы. Вере казалось, что ее, как животное на охоте, обложили со всех сторон. Она мечется, а вокруг красные флажки. Он пришел вчера около девяти вечера, запросто, с цветами и конфетами. Она, удивленная, открыла, не спрашивая, думала, Володя. Она попросила его не приходить, ей хотелось побыть одной. Собраться с мыслями. А тут звонок – не послушался, пришел; она даже обрадовалась – одной было совсем паршиво и неважно. Но это был не Володя, а дядя Витя. Прибежал, словно почувал опасность.

Она сидела в спальне, смотрела на себя в зеркало и пила коньяк, рюмку за рюмкой. Ей было страшно. Она уговаривала себя, что все образуется, но ей все равно было страшно. Нет Паши, никто не сможет его заменить, Володя – мелковат и труслив. За Пашиной спиной – да, прекрасный исполнитель, не больше, в самостоятельном плавании – не тянет, но считает, что тянет, тщеславен и самоуверен. Почувствовал себя хозяином, заводит новые правила; секретарша Любочка шепотом донесла, что он поручил Алику Усику присматривать за коллективом и держать его в курсе. Паша был не подарок, конечно, он был излишне резок и прямолинеен, принимал решения с ходу, терпеть не мог наушничества. Но его не боялись, а Володю боятся... вернее, не столько боятся, сколько опасаются. Никто не хочет с ним связываться, сказала Любочка. В ее глазах был упрек; она была предана Паше и, как иногда думала Вера, спала с ним: без дальнего прицела, по-дружески – она знала свое место. Любочка сказала, что уходит, и Вера попросила ее подумать. Любочка ей нравилась – идеальная секретарша, умница, ничего никогда не забывающая, причем прехорошенькая, с маленьким кукольным личиком и изящной фигуркой.

Вера отпивала коньяк маленькими глотками, морщилась, откусывала от кусочка лимона, морщилась еще больше. В голове туманилось, и ее лицо в зеркале слегка расплывалось. Она рассматривала себя, наклонившись вперед, поправляла волосы, надувала губы, приподнимала бровь. Ей казалось, что в зеркале незнакомая женщина, и она уже в который раз подумала, что если долго рассматривать себя в зеркале, да еще после двух-трех рюмок, то вдруг наступает момент, когда там уже не ты, а совсем другой человек. Неизвестная женщина, которую ты никогда раньше не видела. Она смотрит на тебя с удивлением и тоже не узнает. Вы смотрите друг на дружку, и одна из вас наконец говорит: «Ты кто?» А другая отвечает: «А ты кто?»

– Что мне делать? – спрашивает Вера у женщины в зеркале.

– А что ж тут сделаешь, – отвечает та. – Теперь только сидеть и ждать, пока рассосется. Так получилось, чего уж...

– Ты думаешь, рассосется? Когда?

Женщина в зеркале пожимает плечами.

– А с *этой* что делать? Я все время прислушиваюсь, мне чуждятся шаги. Я боюсь ее, она на все способна, она убийца. Она ненавидит меня. Она ненавидела маму. Она ничего не забыла. И теперь она снова в моем доме.

– Ха! – отвечает женщина. – Она не проблема. Она трава, а не убийца. Она ничего не чувствует. Она забыла, она ничего не помнит. Она не помнит твою маму, она не помнит отца. Вашего отца. Она ничего не помнит. Семь лет – большой срок. За семь лет можно сломать, разрушить, убить. Восстановлению не подлежит. Ты видела ее глаза? Они пустые. Ты видела ее лицо? Оно пустое. Ты узнаешь ее? Это не та маленькая стерва, которую вы ненавидели, которая убила любовника. Той больше нет. Вместо нее – *эта*. Корми таблетками, запирай на ключ, подыскивай новый *пансионат*. Она тут временно, не заморачивайся. Она – самая незначительная из твоих проблем.

– Что же мне делать? – снова спрашивает Вера.

– Взять себя в руки. Принять как данность. Держать удар. Полагаться только на себя. Ты хозяйка, ты главная, не позволяй никому, поняла? Ты была за спиной у Паши, теперь ты на виду. Под прожектором. Одна. Володя не в счет, слабак, временный попутчик. Будь осторожна. Ты идешь по канату, без зонтика, внизу орущая толпа. Я понимаю, это не твое – если честно, тебе всегда было наплевать на эту чертову компанию, ты вообще собиралась стать художницей. Ну, так продай ее к черту! И живи в свое удовольствие. Путешествуй, купи картинную галерею, ищи таланты. Торговля – это скучно, даже торговая реклама – скучно. Уходи.

– Думаешь, получится?

– Получится. Представь себе физиономию Володи, когда ты скажешь ему, что собираешься продать компанию. Ради этого одного... Дурак ведь!

– Не получится, – говорит Вера. – Ты же понимаешь, что ничего не получится. Дурак. А Паша... – Она вздохнула невольно. – Паша...

– Это уже неважно. Он свое получил. Понимаю. Все я понимаю. Но помечтать можно? – спрашивает женщина из зеркала. – А потом, всегда случается «вдруг», понимаешь? Ты мечешься в поисках выхода, сходишь с ума, бьешься головой в глухую стену, и вдруг видишь, как приоткрылась дверь! Поняла? Чудо – приоткрылась дверь! И тогда нужно прыгнуть, поняла? Прыгнуть в приоткрытую дверь. Собрать чемодан и... фьють! Или черт с ним, с чемоданом, прыгнуть с пустыми руками, не оглянувшись, не раздумывая, бросив к черту барахло. Только тебя и видели. Свобода!

Вера залпом выпивает коньяк, утирается рукой, говорит:

– Поняла. – Подумав, добавляет: – И не убежать ведь, некуда! Тупик.

Женщина в зеркале пожимает плечами. Вера думает, что она снова скажет: «Помечтать-то можно?», но она молчит, только смотрит с сожалением, как кажется Вере. Обе вздрагивают, когда раздается звонок в дверь. Пришел дядя Витя.

С букетом и конфетами. Вера открыла, он шагнул через порог, широко улыбнулся, сказал:

– Не помешаю?

Вера оторопело кивнула, бессмысленно глядя на его фальшиво-радостную физиономию, на внимательные глазки-буравчики, на темный склеротический румянец на выпирающих скулах, на пегие крашенные прядки, упавшие на лоб. Ее передернуло, она вдруг вспомнила, что видела его в ресторане с молоденькой девчонкой. Старая плешивая обезьяна! Друг дома, доверенное лицо мамы. И парфюм тошнотворный, сладкий, как у старой проститутки...

– А я думаю, дай взгляну, поддержу Верочку, не чужие ведь, – проблеял дядя Витя, с улыбкой ее разглядывая.

– Проходите, дядя Витя, – пробормотала Вера, отступая.

– Чайку можно? – Дядя Витя протянул ей цветы, пышные розовые пионы. Вера машинально взяла. – Я конфетки захватил. Посидим, поговорим. Ты как, девочка, справляешься?

– Нормально. – Вера направилась на кухню, нечего баловать. Подумала и спросила, ругая себя за малодушие: – Мы на кухне, ничего?

– Люблю на кухне, – сказал дядя Витя. – Мне покрепче!

– Коньяку хотите?

– Хочу! – Дядя Витя потер руки. – Люблю коньячок в хорошей компании. Лимончик есть?

– Может, мяса?

– Поздно, Верочка, на ночь не ем, диета. Вот доживешь до моих лет... то нельзя, это нельзя, так и живешь. Как Паша? Вот горе-то! Навестить можно?

– Без перемен. Можно, но он все равно без сознания. – Вера поставила на стол бутылку и две рюмки. – Мне чуть-чуть.

– Что говорят врачи?

– Что они могут сказать... Говорят, все будет в порядке. Надо ждать и надеяться.

– Скорей бы, – скорбно вздохнул дядя Витя, разливая коньяк. На среднем пальце левой руки блеснуло массивное золотое кольцо-печатка. – Нам его очень не хватает. Давай, моя девочка, за здоровье Паши!

У Веры потемнело в глазах, и холодные колючки побежали вдоль хребта. С усилием сглотнув, она взяла рюмку. Дядя Витя опрокинул махом, закрыл глаза от удовольствия, шумно вдохнул через нос:

– Хороший коньячок!

Дядя Витя жевал лимон и, улыбаясь, смотрел на Веру. Румянец на скулах стал багровым. Веру передернуло от отвращения, она чувствовала, как ее захлестывает волна ненависти, ей хотелось закричать: «Говори, чего надо, и пошел вон! И не называй меня своей девочкой!»

– Всем сейчас трудно, – приступил к делу дядя Витя. – Компания на тебе, Паша в больнице. Да еще и твоя сводная сестра...

– Откуда вы знаете? – вырвалось у Веры.

– Слухами земля полнится, – туманно ответил дядя Витя.

«Светка! – догадалась Вера. – Шпионка чертова! Уволю гадину!»

– Я могу ее увидеть? Татьянку.

«Татьянку»! Веру снова передернуло. Все в дяде Вите вызывало в ней протест: слова, жесты, сочувственно-скорбная физиономия, даже кольцо-печатка! Она скользнула взглядом по рукам дяди Вити и заметила, что ногти у него покрыты бесцветным лаком.

– Она у себя, почти не выходит... – Она с трудом заставила себя отвести взгляд от сверкающих ногтей дяди Вити.

– Семь лет – немалый срок, – сказал дядя Витя, и в голосе его Вере послышалось осуждение. – Как она?

Вера пожала плечами.

– Узнать можно? Сильно изменилась? – настаивал дядя Витя, и Вера поняла, что перед важным разговором он, как опытный интриган, ищет слабое место, собираясь уколоть побольше. Господи, ну что мама находила в этом подонке, уже в который раз подумала Вера. Друг сердечный...

– Что-нибудь случилось? – Вера не сумела сдержать раздражения. – Вы без звонка...

– Ничего не случилось, моя девочка. Пришел как старый друг. Жаль, Тамарочка не дожидала, тебе было бы легче. Твоя мама была замечательная женщина, Верочка. Сильная, решительная. Но ты не одна, поверь, ты мне не чужая.

Вера молчала. Сидела, опустив глаза, тупо рассматривала стол.

– Я давно хотел спросить: это правда насчет Володи Супрунова? Ты хочешь поставить его генеральным? Официально?

– А что? – Вера взглянула на дядю Витю. – Он перспективный работник, Паша ценил его. Дядя Витя укоризненно покачал головой:

– Он слабый работник, Верочка, кроме того, он много себе позволяет. Ты в курсе, что он увольняет людей, старых проверенных работников, и набирает своих дружанов, а две сделки вообще провалил? Ты молодая, ты не разбираешься в людях. Не спорю, он способный парень, но за ним глаз да глаз нужен. Паша придерживал его, при Паше он пикнуть боялся. Я бы не советовал поднимать его, не тот он человек, неблагодарный и бездарь. Я мог бы помочь, я дело знаю. Он распускает слухи, что стариков отправят на пенсию, а только кто ж у нас старики? Я да Окунько Петя из бухгалтерии, а кто вкалывать будет?

Он смотрел на Веру в упор, и она промямлила, ругая себя за трусость:

– Это пока не решено. Но... неужели вам не хочется отдохнуть? Дача, рыбалка, не нужно рано вставать, стоять в пробках...

– Мое поколение привыкло трудиться, – веско сказал дядя Витя. – Я крепкий, Верочка, можешь на меня рассчитывать. Ваша семья могла всегда на меня рассчитывать. Я дружил с твоим отцом, хоть и осуждал его за то, что он бросил тебя с мамой, я дружил с твоей мамой... – Он понизил голос. – Ты была маленькая, ты многого не помнишь. Твоя мама доверяла мне. И после смерти отца я был с вами. Я помогал вам в тяжелых жизненных ситуациях, если помнишь. И Паша меня очень ценил. И с Татьянкой возился, встречался с нужными людьми, искал подходы, совал кому надо. Нашел заведение и отвез ее тоже я. Я!

«Чертов шантажист!» – озлобленно подумала Вера и сказала резко:

– Мы собираемся реорганизовать компанию – бизнес, как вам известно, идет не блестяще, многим придется уйти. Вы уже немолоды, дядя Витя, пора отдохнуть.

– Твоя мама никогда бы не позволила, – скорбно поджал губы дядя Витя. – Никогда! Она меня чрезвычайно ценила, у нее не было от меня секретов. Понимаешь, Верочка? Я был доверенным лицом твоей мамы... – Он значительно помолчал, потом добавил: – Даже больше!

– Секретов? – Сознание Веры уцепилось за неуместное словцо. «При чем тут секреты? На что он намекает? На то, что был маминым любовником? Ну и мразь!»

– Мамы нет, – сказала она твердо. – Паши тоже нет. Пока. И я боюсь, что нам придется расстаться, дядя Витя. Ничего личного, просто бизнес. У вас хорошая пенсия, компания выплатит вам значительную сумму. Поймите, все когда-нибудь кончается.

– Я так не думаю, моя девочка, – веско сказал дядя Витя. – Ты многого не знаешь.

– Чего я не знаю? – выкрикнула Вера, желавшая лишь одного – прекратить пустопорожний разговор. Она чувствовала себя выпотрошенной заживо, она схватила недопитую рюмку, опрокинула одним глотком.

– Ты ничего не знаешь! Возможно, настало время нам серьезно поговорить.

Он больше не улыбался, лицо его стало жестким, он смотрел на нее в упор. Вере стало страшно...

...Дядя Витя ушел через полчаса примерно. Сказал: «Не беспокойся, провожать не нужно, дверь я захлопну». Вера осталась сидеть за кухонным столом, невидяще уставившись на темное окно. В голове остались лишь две мысли: «теперь все» и «судьба». Связанные намертво, они крутились заезженной пластинкой. Вера видела, как, покачиваясь, плывет черный блестящий винил... до сих пор где-то в подвале доживают старинная громоздкая дедова радиола «Латвия» и коробка пластинок; девочкой она любила рассматривать их, а мама рассказывала, что это за музыка.

Ей казалось, что где-то глубоко внутри она знала. Догадывалась, что это была не простая дружба, ах, сантименты, ах, воспоминания детства, ах, ностальжи! Как это называется? Грязный бизнес? Рэкет? Аферы? Вот на чем строилась империя отца! И *этому* достаточно достать

из сейфа кое-какие документы, чтобы... «Надеюсь, до этого не дойдет, моя девочка, – сказал он. – Кроме того, твоя мама... мы были близки, она мне доверяла. Я был ее... как бы это поточнее... – Он мерзко хихикнул. – Я был ее конфидентом, духовником, так сказать, у нее не было от меня секретов. И ты, Верочка, мне как собственная дочь...»

Скрытая угроза, замаскированная лицемерной отеческой улыбкой, ухмылкой вурдака... о каких секретах идет речь? Они были любовниками? Кого это сейчас колышет? А вот документы – это серьезно. Ее вдруг бросило в жар: он сказал – как собственная дочь! На что он намекал? Что она его дочь?

Вера бросилась к зеркалу, уставилась на свое отражение. Идиотка! Ничего общего. Тем более, вдруг пришло ей в голову, они похожи! Она и Татка. Отец всегда говорил «Сразу видно, что вы сестрички». И Володя тоже сказал. Вот и выходит, что Татка – ее... алиби. Она усмехнулась угрюмо.

Мама знала, на что он способен, потому и держала при себе, а их заставила пообещать, что он останется. Господи, да она же боялась его! Он мог их уничтожить. Бедная мама, у нее не было выбора...

...Голос дяди Вити донесся откуда-то из прихожей, и Вера поняла, что он увидел Татку. Слов было не разобрать, но интонация была умильной, так говорят с детьми. Если Татка ему и отвечала, то очень тихо, и Вера ничего не услышала. Потом с треском захлопнулась дверь Таткиной комнаты, и что-то закричал дядя Витя. Тут же хлопнула входная дверь, и Вера увидела в окно, как дядя Витя побегал со двора. Она поняла, что диалог с Таткой не задался, и подумала мстительно: «Так тебе и надо, подонок!»

...Она не помнила, как добралась до спальни, как улеглась. Проснулась от утренней свежести и поняла, что лежит одетая поверх покрывала. Часы показывали шесть. Ее подташнивало, во рту был отвратительный привкус, ломило в висках. Она с трудом поднялась, чувствуя слабость в коленках, побрела в ванную. Приходила в себя, стоя под горячим душем. От вчерашних посиделок с дядей Витей осталось тревожное чувство непоправимости. Вера помнит, как вздрогнула, когда захлопнулась входная дверь, и как потянулась за бутылкой.

Босая, в халатике, она спустилась вниз. Постояла, прислушиваясь. В доме стояла тишина. Керамическая плитка под ногами была ледяной, и она сразу продрогла. Сделала пару шагов к двери Таткиной комнаты, но остановилась нерешительно. Черт с ней!

На кухонном столе стояла пустая бутылка из-под коньяка и две рюмки. В керамической вазе – букет, принесенный дядей Витей: она забыла налить туда воду. С минуту она рассматривала поникшие головки розовых пионов, потом выхватила цветы из вазы и сунула в пластиковое мусорное ведро. Туда же отправились пустая бутылка и рюмка, из которой пил гость.

Она сварила кофе, уселась за стол, пригубила. Вздрогнула, заслышав трель мобильного телефона. Это была домработница Света.

Глава 8. Трогательное прощание в «Тутси»

*Инопланетяне никого не просили их искать.
Из Законов Мерфи в X-Files*

– Все-таки едешь, Олежка. – Митрич, похожий на пожилого моржа, печально смотрел на Монаха. – Может, передумаешь? Как же мы без тебя?

– Я вернусь, Митрич, не переживай. А может со мной, ребята? Леша собирался, помнишь, Леша?

Добродеев протяжно вздохнул:

– Собирался. Но как-то так получается, то одно, то другое...

– ...то третье! Забурели вы, ребята, отяжелели, потеряли форму, давно уже не рысаки. А зря.

– В Ладанке видели летающую тарелку, – забросил удочку Митрич. – Я читал. Это правда? Леша?

– Раз Леша написал, значит, правда, – сказал Монах, ухмыльнувшись.

Добродеев кивнул. Он считался спецом по летающим тарелкам и неоднократно давал о них обширные материалы в «Вечерней лошади», газетке шустрой, всеядной и падкой на сенсации.

– Правда, Митрич. Она появляется там регулярно, каждый четверг в девять вечера. Зависает на полторы минуты и исчезает. Ладанка – вообще странноватое место, там когда-то нашли стоянку первобытного человека.

– А что говорят археологи? – спросил Митрич.

– О чем? О тарелках или о первобытном человеке? – уточнил Монах.

– Ну-у... – протянул Митрич, не определившись.

– Понимаешь, Митрич, тут такое дело... – начал задумчиво Добродеев. – Археологи пытались там копать, но всякий раз это плохо кончалось. То смертью руководителя, то падением в колодец – там полно древних колодцев, – то психическими расстройствами. Лично я считаю, что там где-то база, в смысле, база тарелок, их аэродром, и включена защита, причем с доисторических времен. Говорят, там пропадают люди. Раньше ездили экспедиции, сейчас уже нет.

– Боятся? – догадался Митрич.

– Денег нет, – заметил Монах.

– Вы же понимаете, что всегда найдется отчаянный, которому море по колено. Согласен, банально нет денег, но не только. Иногда собираются черные археологи, стоят лагерем, копают. Я знаю одного, был там, выдержал неделю. Так он рассказывает, что по ночам такой ужас охватывает, что только водкой и спасались – сидели в палатке, пили и тряслись от ужаса. Сбежал. Говорит, ну его на фиг. Это древнее сакральное место, говорит, там до сих пор бродят...

– Кто? – ахнул впечатлительный Митрич.

– Черт его знает кто. Непонятно. Тени. Бродят, трещат кустами, голоса слышны, на валунах руны проступают перед рассветом, а на восходе солнца исчезают.

– Так ничего ценного и не нашли?

– Врут, что не нашли, кто ж тебе признается. Нашли только каменных баб две штуки, тысяч по пять лет, весом в три тонны. Каждая.

– Каменных баб? – поразился Митрич. – Куда же они их дели?

– Никуда не дели, оставили, их же невозможно вывезти. Во-первых, тяжесть страшная, во-вторых, рельеф играет, то вверх, то вниз, если погрузить в кузов, она машину перевернет. А потом, ну вывезешь ты их, а куда потом девать? Продать невозможно, дома поставить страшно,

энергетика у них нехорошая. Да и потолок рухнет. Лично я думаю, тут замешаны пришельцы. Надо же им где-то жить, готовить еду, писать отчеты – вот и выбрали Ладанку и поставили защиту. Там и жители странноватые, если честно. Слова не вытянешь, помню, пытался я одного разговорить, а он молчит, только смотрит, а в глазах что-то такое... странное! Чувствуется, знает что-то, но скорее умрет, чем скажет. И видит тебя насквозь. Спрашиваю: летают тарелки? А он молчит. Я иногда думаю, что жители Ладанки и есть пришельцы, только маскируются. Или потомки пришельцев.

– Вряд ли, – сказал Монах. – А то, что смотрел странно, так неудивительно, я бы тоже смотрел странно, если бы меня спросили про тарелки. Он, может, тоже думал, что ты странный.

– Ты не веришь в летающие тарелки? – поразился Добродеев. – Ты же волхв!

– Верю, не верю! Вопрос некорректен, Леша. Это же не религия. Вопрос должен формулироваться иначе, а именно: «Возможны ли летающие тарелки в принципе и что ты как ученый об этом думаешь».

– Ну и?..

– В принципе возможны. Кроме того, уж очень многие их видели. Причем с незапамятных времен. Летописи, эпосы, то-се. Самолеты возможны, значит, возможны и тарелки. В принципе. Правда, это не космические корабли, как ты думаешь.

– А что?

Монах молчал, смотрел загадочно, пропускал через пятерню бороду.

– То есть, ты хочешь сказать, что их запускают с Земли? – уточнил Добродеев. – И нет никаких инопланетян?

– То, что их нет внутри тарелок, однозначно. Как и то, что тарелки из космоса.

– Как это нет? – удивился Митрич. – Если есть тарелки, то есть и пришельцы! Кто-то же ими управляет.

– *Кто-то же ими управляет*, – повторил Монах, смакуя. – А как по-вашему, ребята, что они здесь у нас делают? Летают, появляются в разных местах, носятся туда-сюда... с какого такого перепугу?

– Разведчики, – сказал Добродеев веско.

– Они и людей умыкают, – добавил Митрич. – Вон Леша писал...

– Зачем?

– Изучают. Хотят переселиться к нам. Опыты всякие делают.

– Ага, составляют карты военных баз и изучают анатомию, – фыркнул Монах.

– А что, по-твоему, они тут делают? – спросил Митрич.

– А что они, по-вашему, тут делают? – в тон ему ответил Монах. – Представьте себе: тысячи лет летают внеземные аппараты, умыкают людей, высматривают, изучают. Тысячи лет! С их технологиями достаточно десяти лет, чтобы изучить самые закрытые места планеты сверху донизу плюс дно океана и недра, а уж изучить человека и всякую тварь со всеми потрохами за глаза хватит двух-трех лет. А они летают как ненормальные уже тысячи лет и никак не могут переселиться. В результате даже у идиота возникает научный вопрос: какого хрена?

– Что ты имеешь в виду? – спросил Добродеев. – Ты же сам сказал, что они существуют.

– Существуют. Сказал. И что?

– И что? – недоуменно повторил Митрич.

– Подумайте своей головой, ребята – Монах постукал себя костяшками пальцев по лбу. – Летают и летают, уже все изучили, но продолжают летать. И так без конца-краю. Летают и летают. Ну?

Добродеев и Митрич переглянулись.

– Никак? – спросил Монах. – Ладно, зайдем с другого боку. Представьте себе патефон и пластинку, представили? Пластинка крутится, музыка играет. Вдруг заело, иголка елозит по

одной и той борозде, фраза повторяется, и повторяется, и повторяется... и так всю дорогу. Представили?

– А при чем здесь тарелки? – удивился Митрич. – У меня есть патефон, на чердаке, жалко выбросить. Семейная реликвия.

– Ты хочешь сказать, что они... что ты хочешь сказать? – спросил Добродеев. – Что их заело?

– Именно! Программу заело. Автоматы летают и выполняют снова и снова одну и ту же работу, хотя все уже давно изучено. Никак не уймутся по причине заедания и топчутся на одном месте, повторяя действия, которые давно уже стали бессмысленными. Автоматы, а не гуманоиды. Неживой металл выполняет программу, написанную тысячи лет назад.

– Кем? – спросил после паузы Митрич.

– Кем-то. *Ими*. – Монах потыкал пальцем в потолок. – Возможно, они действительно собирались переселиться к нам по причине ядерной войны, вымирания от неизвестной хвори, исчезновения атмосферы, вечной зимы... мало ли. Запустили тарелки-разведчики, а потом что-то случилось и... облом. Передумали или не успели. Лично я думаю, что не успели. Природу трудно раскатать, она терпит-терпит, а потом идет вразнос. И когда процесс запустится, назад уже не отрихтуешь. Программа будет елозить, пока не поступит новая, а новая не поступит никогда. Некому уже.

– Ты уверен?

– Это моя личная точка зрения. Логическое умозаключение на основе доступной информации. Если у вас есть другое, прошу в студию. Но только без соплей насчет – ах! – контакта, космической дружбы и всякой романтической лабуды. И без девушек, зачавших от пришельца.

Воцарилось молчание.

– Похоже, я лишил вас иллюзий, – сказал Монах. – Просим прощения.

– Получается, они так и будут летать всю дорогу? – спросил Митрич.

– Так и будут. Пока не упадет последний – ничто не вечно, сами понимаете. И тогда наступит тишина.

– Может, смотаемся в Ладанку? – не сразу сказал Добродеев. – Я давно собирался, посмотрим все своими глазами, ты же волхв, Христофорыч, у тебя же нюх. Отложишь на пару дней поход, смотаемся, осмотримся, а?

– И новоселье заодно справим, – добавил Митрич. – Я уже купил подарок.

– Да нет, ребята, я уже настроился. Да и что тут делать, забурел я, ребята, никаких усилий, цивилизация, горячая вода, пешком разучились, а там хворосту для костра собрать, да разжечь, да рыбу поймать, да уху, да палатку, только успевай поворачивайся. И рассветы сумасшедшие, и закаты, ты и природа, ни души живой вокруг, и полное между вами взаимопонимание и уважение. Она мне рыбу и ягод, а я аккуратненько убрал за собой, костерок затушил, поклонился да потопал своей дорогой. Пут-ник! В пути. Слово-то какое! Вы хоть раз встречали восход солнца в горах? Ни ящика, ни компа. Ничего. Только голова и мысли. И озарения, и понимание смыслов. Выживание. Может, мы созданы для того, чтобы делать усилия и выживать, а мы насочиняли себе удобств и комфорта и атрофируемся умственно, нравственно и физически.

– Вперед в пампасы, – сказал Добродеев.

– Туда. Ты же понимаешь, что я прав, ты же сам рвешься в Ладанку, тянет же, только дальше трепа – извини подвинься. Хотите со мной?

– Я бы с радостью, – сказал Митрич. – А на кого «Тутси» оставить?

– Кстати, Христофорыч, насчет выживания. Около Ладанки есть гора, в смысле, небольшая такая горка, Детинец называется. Ничего особенного, ну там гроты, пещерки, расселины, ледниковые валуны, вот только нет ни одного человека, который бы долез до вершины! Ни местного, ни чужого. Что-то держит и не пускает с середины примерно. И пещеры! Наши спелеологи спускались, проходили сотню-другую метров, а дальше никак.

- Почему? – спросил Митрич.
- Страх, Митрич. Животный страх и ужас. Некоторые падали в обморок, приходилось вытаскивать. Выползали, шатаясь, цеплялись за стены, их потом местные отпаивали молоком.
- Может, ядовитые испарения? – заинтересовался Монах.
- Проверяли! Ничего, все чисто.
- А что они видели?
- В смысле?
- Что вызывает страх?
- Никто ничего точно не помнит, вроде двигались в глубине пещеры какие-то тени и шелест вроде как шагов или шепот, но на пленке ничего.
- Летучие мыши, – сказал Монах.
- Нет там никаких мышей!
- А что же тогда? – спросил Митрич.
- Чертовщина какая-то. Местные говорят, там живут духи земли, они в эти пещеры ни за какие коврижки не сунутся. С моей точки зрения, лучшего места для ангара просто не найти.
- Радиостанция для связи с кораблем-маткой на орбите, – поддакнул Митрич. – Скайп какой-нибудь межгалактический, а чего!
- Корабль на орбите? А почему его не засекли?
- А он невидимый. Запросто! Или даже связь с их планетой.
- А ты – в пампасы, – подхватил Добродеев. – Давайте, ребята, лучше в Ладанку! Митрич, ты тоже, на пару деньков. Если повезет, найдем следы присутствия, ты же волхв, Христофорыч. Твои предки держали с ними контакт и получали знания. Митрич, ты как? Сможешь оторваться?
- Э-э-э-ва! – вдруг невнятно выговорил Митрич, смотря поверх их голов, протянув туда же руку, тыча пальцем. Выражение лица у него было самое странное. – Гос-с-споди! Что это? Монах и Добродеев живо обернулись...

Глава 9. Дома

Татка приоткрыла дверь своей комнаты. Дядя Витя остановился. Глаза их встретились.
– Татьяна? – воскликнул дядя Витя. – Ты уже дома, девочка?

Он подошел к двери, протянул руку, словно желая дотронуться до нее. Татка отпрянула.

– Дай-ка я посмотрю на тебя! Повзрослела, изменилась, не узнать. – Он с любопытством рассматривал ее, приятно улыбаясь. – Как ты себя чувствуешь? Ты меня помнишь?

Татка кивнула. Она отступила в глубь комнаты и попыталась закрыть дверь. Но дядя Витя не позволил, вставил ногу.

– Ты что, боишься меня? А ведь мы были друзьями, я очень много для тебя сделал. Если бы не я, неизвестно, что с тобой было бы. Я дружил с твоим отцом, я знал твою маму. Мы были друзьями, – повторил он. – Помнишь?

Татка стояла с опущенной головой, и было непонятно, слышит она дядю Витю или нет.

– Ты насовсем домой? Или в отпуск? Я часто думал о тебе, где, думаю, наша Татьяна? Спрашивал у Тamarочки, помнишь Тamarочку? Она заменила тебе маму. Тamarочка и Верочка – твоя семья, ты должна быть благодарной, если бы не они...

Он говорил и говорил, тон у него был благодушный, даже игривый, нога в лакированной туфле торчала в щели, не позволяя захлопнуть дверь. Татка вдруг зарычала, оскалив зубы, и бросилась на него. Он испуганно отступил, но недостаточно проворно, и Татка вцепилась ему в лицо ногтями. Он издал хриплый вскрик, отдирая от себя ее руки, и она захлопнула дверь.

– Психопатка! – Вне себя от испуга и злобы, он стукнул кулаком в дверь. – Рано тебя выпустили! Дрянь!

Бормоча под нос ругательства, он пробежал по холлу, распахнул входную дверь и вылетел на крыльцо.

Татка вернулась в постель. Легла, скрутилась в комок, сунула руки под мышки. Ее колодила дрожь. Дядя Витя! Конечно, она помнила его! Фальшивая улыбка, участливый голос, подлое вранье, что она вернется, что ее осмотрят врачи – соберется консилиум, и она сразу вернется домой, что он дружил с отцом, что он все для нее сделает. Она помнит, как он гладил ее по голове, как обнимал, а однажды расстегнул блузку... И она стерпела, она верила, что он хочет ее вытащить. Она была напугана, она ничего не понимала и не помнила, она до смерти боялась тюрьмы. Когда он полез к ней, она подумала, что ничего не теряет, лишь бы помог, за все нужно платить. Она помнит, как он задрал ей юбку и как она, сцепив зубы, повторяла: ничего, ничего, ничего... и только уворачивалась от его нечистого рта. Ее стошнило, а потом еще долго преследовал запах его сладкого парфюма. Обманул! Подло обманул.

Она сжимает кулаки, ее трясет от ненависти, и к горлу подкатывает тошнота...

...Света, домоправительница, встала на пороге кухни. Была это крупная, толстая бабеха с локонами-блонд; несмотря на габариты, проворная и быстрая, кроме того, прекрасная кухарка. А еще любительница поговорить, понимай – посплетничать. Обычно Веру забавляли ее рассказы, но не сейчас. Да и Света не была расположена к болтовне. Она смотрела хмуро, и Вера вдруг подумала, что она собирается попросить расчет. Некстати! Но она ошиблась. Света зашла издалека.

– Я тут подумала, – начала Света, – вы говорили, ваша сестра была в дурдоме, а я страх как боюсь психов, у меня сосед псих. А если буйная?

– Она не буйная, кроме того, она принимает лекарства. Будешь следить, чтобы принимала вовремя, поняла?

– Даже не знаю... А если она бросится?

– Не говори ерунды! – резко сказала Вера. – Она сидит у себя в комнате, не выходит, будешь приносить ей поесть. Можешь запираешь дверь. Что еще?

– А Павел Семенович когда вернется? Вы говорили, может, скоро.

– Я не знаю. Пока не вернется.

– А если вернется, так что, на мне сразу двое будет? И ваша сестра, и Павел Семенович? Это намного больше работы.

– В чем дело? – вспыхнула Вера. – У Паши будет сиделка, при чем здесь ты! И вообще, речь о том, чтобы забрать его домой, не идет. Пока не идет.

– Меня зовут к хорошим людям, кума нашла место, но я не хочу уходить, я к вам привыкла, Вера Владимировна, вы мне как родная. И Павел Семенович, честное слово! Такое горе, такое горе! Я ей так и сказала, не пойду. А она говорит, подумай сама, Света, буйная и лежачий больной. Врагу не пожелаешь. И никаких денег не надо.

– Хорошо, Света, я поняла. Обсудим. Иди работай.

Вера сдерживалась, чтобы не заорать, она с удовольствием выгнала бы зарвавшуюся прислугу, а дальше что? Новую найти не так-то просто, а Светке можно доверять, да и привыкла к ней, вот только язык бы укоротить.

Довольная Светка завозилась у плиты, а Вера вернулась к себе в спальню. Раскрыла шкаф, застыла, раздумывая, что надеть. Настроение было на нуле. Как-то сразу все свалилось! Татка, дядя Витя... Сволочь! Он посмел угрожать ей! Посмел, а она что? А что она... А она ничего. Сейчас не до него, пусть остается до поры до времени. Володя будет недоволен, она обещала убрать дядю Витю... Господи, да что же за полоса такая!

Тяжелые мысли прервал колокольный перезвон мобильного телефона. Вера схватила телефон, номер показался ей незнакомым. Охваченная дурными предчувствиями, она осторожно произнесла: «Алло?»

Это был лечащий доктор Паши с радостным известием – пациент пришел в себя. Вера почувствовала дурноту. Девять месяцев в коме, она уже не верила, что он очнется, она привыкла к мысли, что так и будет и ситуация навечно останется в подвешенном состоянии. Ей стало страшно. Она спросила: «Как он?», подразумевая, что у него с головой. В хорошей физической форме, бодро ответил доктор, правда, память пока не вернулась, но есть надежда... даже уверенность, что все будет хорошо. Нужны положительные эмоции, возможно, это поможет вернуть память. Никогда не знаешь, что послужит толчком, сказал доктор, и в голосе его звучали преувеличенно радостные нотки. Вера представила себе его лицо – ухмыляющееся, ироническое, злорадное! Одернула себя: прекратить истерику! Он действительно рад, он прятал глаза, он не знал, как вести себя с ней, зато теперь триумф! Паша очнулся, находится в прекрасной физической форме, правда, ничего не помнит. Вернее, не соображает. По причине сбитых поведенческих стереотипов и полной потери памяти.

Овощ. Растение. Идиот.

И самое отвратительное, что нужно забрать его из больницы! Если к нему вернется память, то пусть это случится дома.

Вера отшвырнула мобильник, закрыла лицо руками и зарыдала...

Глава 10. Эрик

*Предмет упадет таким образом чтобы нанести больший ущерб.
Закон избирательного тяготения*

– Э-э-э-ва! – вдруг невнятно выговорил Митрич, смотря поверх их голов, протянув туда же руку, тыча пальцем. Выражение лица у него было самое странное. – Гос-с-споди! Что это?

Монах и Добродеев обернулись. Посреди полутемного зала неподвижно стояло необычное существо – длинное, тонкое, изломанное, с длинными волосами, в черной одежде. Похожее на богомола.

– Что это? – повторил Митрич.

– По-моему, это наш Эрик, – сказал Добродеев, присмотревшись.

– Эрик? Твой знакомый?

– Наш с Монахом. Однажды он его чуть не убил.

– Кто кого? – не понял Митрич.

– Эрик Монаха! – Добродеев хихикнул⁴.

– Он убийца? – поразился Митрич, рассматривая фигуру в центре зала. – Отравил?

– В каком-то смысле. Почему ты решил, что отравил?

Монах покачал головой, диалог этих двух приобретал сюрреалистический характер.

– Откуда у него яд? – сказал веско. – Всего-навсего приложил по голове, когда я шарился в спальне его бабки. Работает у меня на фабричке, почти нормальный, если не считать некоторых нюансов, но, как говорится, кто без нюанса – покажите пальцем и бросьте камнем. Здорово шарит в компах. Заглянул выпить пива, не вижу проблемы.

– Что ты делал в спальне его бабушки? – спросил Митрич, присматриваясь к Монаху.

– Не то, что ты мог бы подумать. Это старая история, Митрич. Помнишь историю про девушек по вызову? Потому и шарился. – Он привстал, махнул рукой: – Эрик!

Молодой человек дернулся, как от удара, и зашагал к ним ныряющей походкой – он напоминал плохо свинченного робота. Встал у столика, внимательно окинул взглядом черных пронзительных глаз каждого из них, остановился на Монахе, протянул ему листок бумаги. Монах взял, Добродеев и Митрич вытянули шеи, пытаясь рассмотреть, что там. Причем, Митрич силой воли подавил желание перекреститься. Монах прочитал, поднял взгляд на Эрика. Добродеев осторожно вытащил из его руки листок, Митрич заглянул ему через плечо. Это была распечатка Монахова сайта с текстом следующего содержания:

«Бюро случайных находок. Вопросы и ответы»

«Здравствуйте, друзья! Меня зовут Олег Монахов. Я психолог, математик, мыслитель и путешественник. За свою долгую и пеструю жизнь я встречался с разными людьми, попал в критические ситуации, иногда прощался с жизнью – было и такое... И сейчас я с уверенностью говорю вам: я могу помочь! У меня есть ответы на многие вопросы – приходите и спрашивайте. Попробуем разобраться в ваших проблемах вместе. Запомните, нет безвыходных ситуаций. Вернее, есть, но их мало. Иногда кажется, что все! Туник, конец, безнадега! Вы растеряны, вам страшно и хочется убежать... Но проблемы придется решать, от них никуда не денешься. Давайте сделаем это вместе.

Запомните... Нет, зарубите себе на носу: жизнь всегда продолжается!»

И тут же фотография: большой толстый бородатый человек в голубой рубашке навыпуск, похожий на добродушного медведя, сложив руки на груди, смотрит на зрителя. Монах...

– Здравствуй, Эрик, – сказал Монах. – Сядь и скажи.

⁴ См. роман И. Бачинской «Маятник судьбы».

Эрик уселся на свободный стул – словно сложился пополам, и сказал отрывисто, располагая паузы после каждого слова:

– Надо разобраться. Проблема. Пропала женщина.

«Пришелец, – подумал Митрич, во все глаза разглядывая странного парня, его бледное худое лицо с острым подбородком, пронзительные глаза, гриву длинных черных волос. – Не надо ходить далеко».

– Твоя знакомая? – спросил Монах.

– Нет. Просто женщина. Надо найти.

– А что полиция?

– Не знаю. Меня попросили. Я вас помню, вы нашли убийцу девушек.

– Я тебя тоже помню. Вообще-то я убываю через пару дней. Это важно?

– Это важно. Куда?

– В пампасы, – вылез Добродеев. – До осени. Может, я смогу помочь?

– Нет. Нужно, чтобы он. Никто не сможет.

– А как вы относитесь к летающим тарелкам? – вдруг спросил Митрич.

Эрик уставился на него, задумался. Потом сказал:

– Положительно.

Монах ухмыльнулся:

– Ладно, я подумаю.

– И думать нечего! – поспешил Добродеев. – Найди женщину, а потом убудешь.

Монах пожевал губами, поскреб под бородой, поиграл бровью.

– Я вам сейчас пивка свеженького! – вскочил Митрич.

– И закусить! – сказал вслед Добродеев. – Эрик, ты пьешь пиво?

Парень помотал головой – нет.

– А что за женщина? Твоя знакомая?

– Нет. Мама моей знакомой.

– С ней можно увидеться?

– Нет. Только через меня.

– Почему?

Эрик задумался. Потом сказал:

– Она не может выйти. Я думаю, ее заперли.

– Заперли? Кто?

– Не знаю. Просто заперли. Семья.

– Почему она попросила именно тебя?

– Больше никого нет. Она запомнила адрес. Я не видел ее семь лет. Написала и попросила.

– Семь лет? А где она была семь лет?

Эрик молчал, смотрел в стол.

– Как зовут женщину и почему ее нужно искать?

– Ее зовут Виктория Алексеевна Тарнавская, она исчезла.

– Когда?

– Двадцать лет назад. Или двадцать один.

Добродеев присвистнул.

– А почему ее раньше не искали?

– Не знаю. Вы найдете ее? Вы же сами сказали, что нет безвыходных ситуаций и у вас есть ответы.

– А что еще ты о ней знаешь?

– Вот! – Эрик порывлся в кармане куртки и вытащил сложенный листок, протянул Монаху.

Это было письмо, всего несколько строчек, подписанное «Татка-циркачка». Судя по стилю и правописанию, написано оно было в страшной спешке; приводим его полностью:

«Шухер привет! Это Татка-циркачка! SOS! Найди мою маму Тарнавскую Викторию Алексеевну, была в цирке гимнасткой, вышла замуж за Мережко Владим. Павл. 21 год назад ушла навсегда, очень, очень надо! А то мне хана! Плиз! Если смогу напишу еще. Не могу выйти. Помоги!!! Помню всех, класно было, скажи? Твоя Татка-циркачка».

– Она что, под домашним арестом? – спросил Монах. – Где же она была семь лет?

Эрик взглянул на Добродеева.

– Это мой ассистент, – сказал Монах. – Ты должен его помнить. Ему можно. Выкладывай, Эрик.

Добродеев иронически хмыкнул.

– Мы тусили, потом Татка убила Визарда, он был ее парнем, – сказал Эрик, косясь на журналиста.

– Убила? – переспросил Добродеев.

Эрик кивнул:

– Убила. Ее забрали в психушку. А теперь написала.

– То есть она семь лет находилась в психбольнице?

– Да. Наверное. Я не знаю. Она написала из интернет-кафе.

– Как она его убила? Почему?

– Говорили, ножом. Не знаю почему. Он был ее парнем. Она... – Эрик замолчал.

– Фамилия Мережко?

– Не знаю. Зовут Татка-циркачка. Таня. Наверное, Мережко.

– Почему циркачка? Потому что ее мама работала в цирке?

Эрик пожал плечами.

– Кто еще был в вашей компании? Где они?

– Никого нет. Визард умер, Дихлофос умер, Мекс учитель в школе, давно не видел, Попса уехала насовсем, Бэмби не знаю где, ни разу не видел.

– А почему ты Шухер?

– Когда мы грабили киоск, я стоял на шухере. Но назвали еще раньше, а грабили потом, – путано объяснил Эрик. – Я сразу ушел, испугался. Бабушка плакала...

– Понятно. Насколько я понял, поговорить с Таткой нельзя?

– Только письмо. Нельзя, наверное. Она пишет, что не может выйти. Вы найдете ее маму?

– К сожалению, не получится, – сказал Добродеев. – Олег Христофорович уезжает на полгода в Непал наблюдать рассветы с закатами и цветущие олеандры. Так что, возможно, по приезде. Пусть твоя подруга подождет.

– Нельзя ждать, вы же читали.

– Вот только не надо, Леша, твоих сарказмов, – сказал Монах. – Я еще не решил. Я подумаю, Эрик. Дай телефон и электронный адрес, на всякий случай. Интересная у тебя подруга, однако. С биографией. А что она вообще за человек? Ты хорошо ее помнишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.